

РОДЕЗ

Зимняя сага с элементами нон-фикшн и гротеска

«В пласте горной породы заключены кристаллы горного минерала. Возникают трещины и разломы; вода просачивается внутрь и вымывает с течением времени кристаллы так, что остаются лишь пустоты, сохраняющие их форму. Позднее в игру вступают вулканические явления, взрывающие породу; расплавленные массы пробиваются внутрь, застывают и в свою очередь кристаллизуются. Но им уже не дано образовать свою собственную форму – они должны заполнить наличную; так возникают поддельные формы, кристаллы, внутренняя структура которых противоречит их внешнему строению, один вид минерала с внешними чертами другого. Минерологи именуют это псевдоморфозой...»

О. Шпенглер. «Закат Европы»

«Быть или не быть, вот в чем вопрос.

Достойно ль

Смиряться под ударами судьбы,

Иль надо оказать сопротивление?»

В. Шекспир. «Гамлет»

Глава 1. Магия новых мест

1.

Саша Решетников, герой нашего повествования, к 1997 году успевший за свои неполные тридцать лет объездить едва ли не весь мир, мог с известной долей смелости утверждать, что по сумме впечатлений он прожил несколько жизней. Он знал истинную цену всем расхожим представлениям соотечественников о прелестях бытия за границей. Он только усмехался, когда ему возвышенно говорили о магии, которой обладают новые места, о том, что «Париж – это не Пляс Пигаль, а Монмартр» и пр. Он чуть не поперхнулся однажды, когда девушка из группы социологического опроса, отловившая его на Тверской, так его «опросила» – в какой стране он предпочел бы побывать, явись ему такая возможность, случись, по сути, такое счастье.

Такое счастье!

Что там сообщало радио? Проходил фестиваль искусств в Венеции и намечались торжества в Барселоне? Так он только что из Венеции, – их знаменитый на весь мир театр этот фестиваль как раз и открывал, а Барселона, в которую предстояло ехать, была ему уже не то что бы хуже горькой редьки, но местом, скажем так, вполне привычным. В Оране угнали самолет иностранные террористы? Еще бы не угнать с таким раздолбайским отношением ара-

бов к паспортному контролю – он сам, прилетая в Оран, алжирскую таможенную декларацию начинал заполнять с фразы: «Привет, цурипупы!» Или – японские туристы всем прочим местам предпочитают Париж? Естественно, – ведь даже у него, русского, спрашивали, бестолочи, как пройти в Латинский квартал. А волнения в Лос-Анджелесе? Не он ли, Саша Решетников, отобрав в пьяном виде у какого-то негра пачку листовок в 1988-м, и сам раздавая их прохожим, орал, попирая все международные и лингвистические нормы: «Ви вонт Буш фо президент! Нет Дукакису, красной свинье!» Еще бы не волнения! Вернувшись однажды из Италии Решетникову его мама сказала с порога:

– Здесь передали, что Пизанская башня ускорила свое падение. Я сразу поняла, что ваш театр туда заезжал.

Каких достопримечательностей он еще не видел в этой жизни? Он пил вино на крышах американских небоскребов, в ирландских морских гротах и на перекатах горных альпийских рек; он в Шанхае учил китайцев, *как правильно делать лапшу*; он, он, как конь, шумно цокал коваными ботинками по каменному Стоунхенджу и тихо опускал цветы на могилу Шекспира в замке Стретфорда, к которой был запрещен подход. Он лазил внутри пирамиды Хеопса и, хотя в Гизе был проплачен каждый квадратный сантиметр и коррумпировано всё, от первого полицейского до последнего верблюда, все же успел собрать с европейских туристов несколько сот египетских фунтов «на реставрацию носа сфинкса» (в лучших традициях известного литературного персонажа); он купался в Мертвом море на иорданской военной базе со спрятанными от евреев танками (а позже, двурушник, с другой стороны моря показывал иорданцам свою задницу, но так, в шутку, не зло); он нарисовал мелом свою собственную звезду в Голливуде и абрис рук в Каннах; он с криком «охайо годзаимас!» уходил на рассвете от японских полицейских, прыгая с моста в Токио близ знаменитого Уэно – и японцы, обладающие лучшей в мире техникой и электроникой, только беспомощно крикнули, не ожидая такой наглости. Он бы не удивился, если б, проснувшись однажды утром, увидел за окном лунный пейзаж. Он, по его собственным словам, «хорошо провел время на земных и водных площадях обоих полушарий». Он, как в рок-н-ролле, жил быстро, но, вопреки стереотипам, «был еще жив».

Когда б Решетников был одержим манией величия, он мог бы сказать девушке из социологического опроса:

– Милая девушка! Убогий ассортимент нынешних гуляк, Турция да Кипр – это несерьезно. Кто из современников видел столько и погулял хоть в сотую долю от моего? У кого бы достало столько настойчивости и денег, чтобы получить всё то, что я получил задаром, за здорово живешь, да еще частенько и с неохотой? Мне даже верблюдов в пустыне подавали на халяву! И прочее, и прочее.

Однако у Решетникова не было не только мании величия, но и могущего показаться читателю антиобщественного склада характера, а некая эксцентричность его являлась не чем иным, как только реакцией на ту истинную плату, что приходилось отдавать за возможность прикоснуться к чужой земле.

Как у Луны есть обратная сторона, и как обратная сторона есть у всякой медали, так всё, чем мог бы похвастаться Саша Решетников (имей он такую склонность), и всё, что могло бы вызвать зависть у сидящего с пудовым якорем на ноге соотечественника, – было лишь внешней, лицевой, видимой стороной его везения и успеха. Это везение было кажущимся, немного литературным, эффектным при соединении деталей в одно... А вот темной стороной Луны, оборотной стороной медали – какие были труд, опыт и умение, если даже верблюдов подавали бесплатно?

Магии новых мест больше не существовало. Все новые места были такими уже не по ощущению, не по переживанию, но лишь в самом прямом, количественно-накопительном смысле, в порядке бесконечного кругового чередования.

В обычных обстоятельствах, приезжая, скажем, на незнакомую дачу к друзьям, обустроившись и пожив там некоторое время, с рыбалкой, колкой дров и вечерними посиделками, мы, будто встряхивая устоявшуюся привычность, рано или поздно сопоставляем ее с нашими первыми впечатлениями, удивляемся бывшей незнакомости близкого и приоритетам, розданным при знакомстве ошибочно – дорога, по которой нынче не ходим, оказалась главной, а терраса, которую проскочили равнодушно, стала центром теплых бесед и застолий. Новые места, принимающие нас поначалу едва ли не настороженно, в конце концов запоминают нас, а потом и вовсе не мыслят себя без нашей компании. Да и мы по ним скучаем.

Но что это за магия новых мест была у Решетникова и компании? «Ах, знакомство с тропинкой, ведущей куда-то... по ней я буду отныне...»

В ночь-заполночь, в полуживом от усталости состоянии, вывалившись из автобуса и не замечая окружающих, которые, впрочем, в таком же состоянии – вот она, магия новых мест: получить ключи от номера и только бы добрать-ся до него.

Магия новых мест? Да вот она, магия – вот кровать, а вот бра с веревочкой – щёлк! Спать.

2.

Но нет, это еще не вся магия! Ты, Решетников, уже в восьмом часу утра стоишь посреди пустой темной сцены, с непродранными глазами, качаясь от недосыпа, в тупом недоумении, отчего это вдруг после всех мытарств накануне – так и не последовало единственно возможной теперь в этом мире вещи, а именно – отдыха; и удача твоя, и везение, и счастье твое только в одном – чтобы скорей наступила следующая ночь, а что будет еще в течение этого дня, о том лучше в восьмом часу утра не думать. Сцена гола, как степь, обнятая гигантским скелетом осветительских ферм, лишь возвышаются курганы нераспакованных ящиков и декораций, и ничего еще не начиналось. Вот, включили рабочий свет. Теперь мало и медленно не покажется. Часы, часы, часы. Часы складываются из минут, минуты из секунд. И когда всё кончается в полночь, а нынешнее утро кажется вчерашним и уже не имеющим смысла для отсчета, ты плетешься в отель этой наступившей ночью – забирать свой чемодан и усаживаться в кресло автобуса, продолжать двигаться дальше.

И так изо дня в день, из ночи в утро, с утра до ночи; магия новых мест. И когда ты в отеле ищешь какую-нибудь знакомую тебе дверь, и не находишь, то выглядишь, мягко скажем, нелепо, и вот почему – этой двери тут попросту нет и быть не может, потому что находится она совсем в другом месте – в другом отеле, в предыдущем городе. Или – тебя среди ночи будят товарищи, *продолжать двигаться дальше*, а ты не знаешь, в какой стране ты находишься – знакомая ситуация, не правда ли? Мы помним, Решетников, мы с читателем держим это в голове, мы понимаем, почему ты усмехаешься, когда заходит речь о «магии новых мест».

...На исходе второго месяца гастролей, после отупляюще-бесконечного болтания на автобусах по двум-трем десяткам европейских городов, название каждого из которых никто не мог вспомнить уже на следующий день, когда единственным ощущением было то, что ничего нового уже на этом свете не будет, когда явь путалась со сном («Вчера, помню, разговаривал с Лизой». – «Да очнись, ее с нами нет, она в Москве»), – так вот, на исходе второго месяца гастролей, в середине декабря 1997 года, ближе к полуночи, петляя по серпантину горной дороги и прочерчивая в темноте линейными световыми потоками склоны соседних гор на поворотах, автобус с бесчувственными путешественниками подъезжал к Родезу.

Ночь была какая-то гоголевская, выколи глаз, без признаков луны, сплошная черная перевернутая бездна с платиновыми отточиями звезд, Млечным Путем, рассыпанными гроздьями и диадемами; свет – не ртуть и не жидкий стеарин, но он миллиардами брызг в объеме раскатился над головой от края до края, по всей черной бездне.

Когда выходили из автобуса, копались в багажном отсеке, гремели, выгружая чемоданы, до Решетникова, наконец, дошло, что под его ногами хрустит непривычный снег (этой зимой он ходил по снегу впервые), над головой его – вечные звезды, воздух – пронзительно-чист, девственно, кричаще свеж, и дышится им, как пьется холодная вода с покалывающими иголочками льдинок. Саша уголком сознания понимал, что и на этот раз, как всегда, пропускает, обходит вниманием что-то существенное, редкое, то, чего бы он при других обстоятельствах расценивал как единственно ему принадлежащее и ярче других им воспринимаемое. Но усталость тупо брала верх над всем, и поэтому он, сунувшись в один из багажных отсеков, вцепился в первый попавшийся гигантский чемодан, намереваясь освободить свой (гигантскими были женские чемоданы, мужские были – полугигантскими).

– Саш, не вытащишь, это мой? – окликнула его одна из девушек, Аня Восстрикова, которой Решетников, по правде говоря, всегда был не прочь помочь. Он вытащил на снег Анин чемодан, принялся выуживать свой. Народ толпился у отсеков, хрустел по снегу, гремел, курил, ругался – отсеки быстро пустели.

– Ну, где тут у вас чего? Давай! – ни к кому не обращаясь, выдохнул Саша, закончив дело и имея в виду дальнейшее движение. – Что за город, Анечка, не знаешь?

– Родез какой-то.

– Родез, ты, что ль?! – через силу изображая неожиданную радость, стал валять дурака Решетников. – А я тебя чуть было не узнал! Ну, давайте Родез, раз другого добра нет. Один черт – Родез, шартрез, ОБХСС, антропоморфогенез...

– Темно тут в горах как, – сказала Аня. – Везде свет, огни, цивилизация, а тут... темно. Мало света. И луны совсем нет. Конечно, из-за гор.

– Ехал дедушка Егор! – крикнул, быстро обгоняя их с двумя чемоданами и при этом нещадно куря, с тянущимся за ним шлейфом дыма, решетниковский друг по прозвищу Петрович-сан, окрещенный так в честь своих недавних японских походов. Откуда у него были еще силы, оставалось только гадать – видимо, Петрович-сан спешил добраться до номера, чтобы там умереть.

Не успел Решетников рта раскрыть, чтобы сказать что-нибудь про паровоз, как Петрович-сан зацепился о бордюр, спрятанный под снегом, неловко дернулся, в воздухе что-то сухо треснуло, и он уже свободно полетел вперед с двумя оторванными чемоданными ручками в сжатых кулаках, ко всему еще и воткнувшись головой в сугроб. Выбравшись оттуда и не стряхивая снега с лица, он воскликнул радостно:

– Во, гля, бя, крушение! – он и сам, видимо, осознавал свое сходство с паровозом. – До туннеля не доехал!

– Да, намело, – согласился Решетников.

Аня смеялась. Подоспевшей к Петровичу-сану артистке Свете Деревягиной тот протянул обе оторванные ручки с болтающимися нитками и спросил строго:

– Китай? Кита-а-ай! Всё подешевле норовим! Ну, не боись, Светик, щас какую-нибудь тележку сообразим.

– На лыжах! – изумленно и язвительно воскликнула Света. – Что же это, а? Помощник херов! Ручки мне оторвал! Чего ты мне их суешь, возьми их себе! Сам теперь возить мне чемоданы будешь!

– Воздух какой свежий, – сказала Аня. – Горный.

Видимо, горы для нее были уже единственной воспринимаемой величиной, сцепляющей ощущения с реальностью.

– Всё, дома! – рывкнул Решетников, переступая порог холла с ресепшеном и окунаясь в волну тепла, яркого света и чуть оживившегося общего гула. – Что завтра, кто слышал? Куда и во сколько? Сейчас, Аня, номера узнаем, и я тебе чемодан отнесу.

– Приехали, – сказала Аня. – Да... горы!

– Люди! – уже кричала Оля Бойко, неутомимая общественница, берущая течение любых событий в собственные руки как по своей внутренней организаторской сущности, так и в силу того, что была старше основного контингента лет на пять-шесть. – Страдальцы, слушайте сюда! Сюда, я сказала – слушать меня! Как бы вы отнеслись к тому, что завтра есть маза поспать?

– Что, откуда? – зашумели прибывшие. – Хватит уже мечтать, не мы это решаем! Ключи кто давать будет? Ключи давай!

– Вы чего, родные, ослепли? – воскликнула Оля, принимая из рук подошедшего француза-портье листок бумаги и вежливо кивнув. – Разуйте глаза! Посмотрите вокруг, ничего не замечаете?

– С ключами чего? – шумел народ. – Оглашай уже, чего там у тебя? Спать хотим, аж тошнит!

– Нет, ну я от этой молодежи просто прусь! – нервно засмеялась Оля, которой самой не исполнилось еще и тридцати. – Эти ведь усерются – и не заметят! Чужого не упустят, а своего в упор не видят!

Тут люди, выбравшиеся из автобуса первыми, растолковали остальным, что машина с театральным руководством, обычно следовавшая за ними неотлучно, еще часов в восемь вечера – отстала, тормознув у одного из придорожных отелей.

Поднялся шум радости, хлопали себя по лбу, удивляясь:

– Во, слепота-то! Доездились! А, правда, из *этих*-то нет никого.

– Уморились, бедненькие!

– Да хватит вам орать! – крикнула Оля. – Неужели никому, кроме меня, неизвестно, что у нашего импресарио сегодня день рождения? (Разумеется, это было известно только активистке Оле, чем она и не преминула похвастаться). Поэтому верхи решили заночевать отдельно – не на рассвете же им здесь садиться за стол! В экую глушь нас занесло! А там, пока всё было открыто, они и тормознули, и приступили – к еде да к пойлу! Тоже люди, понимать надо.

– А мы с этого э-э... что имеем? – туго соображая, спросила Света Деревягина, жертва нынешнего «крушения поезда». – В чем радость-то?

– Дура, раз они не с нами, значит, нам завтра не срочно. Спи, вызовут тебя, когда им надо будет.

– Ур-р-ра! – раскатилось по холлу, а портье, ничего не понимая, всё же улыбнулся той улыбкой, когда у человека всё ладится, и он готов радоваться за других.

– Так! Список читаю! – воскликнула Оля. – Ключи уже в дверях, завтрак с семи утра; кому жизнь не дорога, могут приходиться. Я лично – буду спа-а-ать!

И, коверкая фамилии, распечатанные латинскими буквами, она стала выкрикивать товарищам номера их комнат.

...Оттащив чемодан девушке в номер, Саша Решетников отказался от предложенного чая, Аня уже еле на ногах стояла.

– Перенесем на потом? – предложил он.

– На какое «потом»? – удивилась Аня. Было понятно, что это не попытка задержать Сашу, а именно недовольство Ани обстоятельствами, которые даже такой малости, как неспешно чаепитие, никому не оставляют.

– Может, как-нибудь... получится, – осторожно высказался он.

– Спасибо, Саш. Ты меня выручил. Спокойной ночи.

Она проводила его до двери, улыбнулась. Решетников, наверное, с километр прошел по коридору мимо бесчисленных дверей с бронзовыми табличками, пока до него не дошло простое – а, собственно, какого черта? Уж чаю-то я мог бы с Аней выпить? Что решают лишние пять минут?

Он вошел в лифт, сверкающие двери из полированного металла бесшумно сдвинулись, – Решетников смотрел на свое лицо в тонированном зеркале, потом в зеркало на потолке – отражение на потолке рисовало существо с недоуменным вопросом в глазах, как бы смотревшее из ямы, вид сверху.

3.

А вот в номере – это уже была магия новых мест! Теперь, когда времени на сон оказывалось больше ожидаемого, усталость и недосып стали быстро терять значение вещей первостепенных; пристальность, внимание к мелочам, притупленные было прежде вглухую, понемногу восстанавливались. Петрович-сан ждал возвращения Решетникова, барски возлежа на своей огромной, больше, чем нужно человеку, кровати, нещадно куря и подложив под голову все свои подушки, включая запасную из шкафа, горел ночник, а у окна, на стеклянном столике, взятом в обхват двумя низкими креслами, красовались в полутьме: пластиковый пятилитровый бочонок вина, именуемый у путешественников «глубинной бомбой», и множество различной к нему закуски, от хрустящих хлебцев до плавленых сырков сегментами, уворованных в предыдущих городах на отельных завтраках. Петрович-сан, окруженный в радиусе вытянутой руки тремя пепельницами, тем не менее по противоречивой русской сущности стряхивал пепел в бумажный кулек, скрученный из настольной карточки «No smoking in bed».

– А я тебя сегодня уже и не ждал! – подлил масла в огонь этот отрыватель чемоданных ручек, ночной пилот сверхнизких высот, человек и паровоз.

Решетников отыскал глазами свою кровать, оказавшуюся у стены, за правым плечом. Он разбежался, прыгнул и, вывернувшись и пролетев спиной вперед, ухнул на мягкое ложе. Боже! Чудо, сказка, музыка! Огромная, со взбитыми подушками, белоснежная, заправленная «конвертом», с двухслойным одеялом, натянутым на перину туго, как на барабан и внатяжку подоткнутым с трех сторон, – это была поэзия сна, его главная метафора. В такой «конверт» было неописуемо хорошо осторожно залезать сверху, со стороны подушек, стараясь не нарушать гармонию заправки, спать под этим одеялом, плотно прижимающим твое брренное, усталое тело, ворочаться, – и одеяло при этом не сдвигалось ни на сантиметр!

– Ты что это со своей кроватью сделал, Гастелло? – изумленно спросил Решетников у Петрович-сана, ложе которого было уже разворочено, раскурочено и вздыблено.

– Да! – вдруг воскликнул Петрович-сан, сбрасывая свое одеяло, вскакивая и вышагивая по номеру в трусах. – Да! По поводу методов спанья на данных кроватях существует много толков, гипотез и даже спекулятивных измышлений! – он говорил возбужденно, продолжая нещадно дымить. – Да! Некоторые индивиды опрометчиво утверждают, что положение постели, именуемое в наших узких кругах «конвертом», является лишь стартовым, и одеяло перед сном необходимо обязательно расправлять. Лично я, хоть и считаю такую версию ошибочной, предпочитаю спать по старинке, под, так сказать, свободно лежащим на мне одеялом, хотя края его в этом случае стелются по полу, и одеяло частенько съезжает на сторону. Мои же доводы против спанья в «конверте» таковы. В определенном состоянии, близком к анабиозу, трудно попасть «на марку», под одеяло, но ничего не стоит под одеяло не попасть, а, напротив, промахнуться и угодить между двумя его слоями; такая *нарядная* постель дается нам для неземного блаженства, а ты спишь, как последнее чмо, на одеяле и под простынькой... Смех! Во-вторых...

– Хватит разбрасывать навоз! – крикнул на него Решетников. – Какие будут мнения?

– Как это, «какие»? – воскликнул Петрович-сан. – Конечно, приступить! Немедленно!

Оба уселись на низкие кресла вокруг стеклянного стола и у огромного ночного окна – место, как будто специально созданное для русских посиделок на чужбине с вином и долгими разговорами; Решетников потряс бочонком и с изумлением обнаружил, что за короткое время своего отсутствия (точнее – еще не присутствия) Петрович-сану удалось «отъесть» изрядное количество содержимого «глубинной бомбы».

Друзья по гастрольной традиции не стали пользоваться теми мелкими шкаликами, что предлагались тут гостям для выпивания крепких напитков, а забрали из ванной комнаты, с туалетного столика, два огромных хайбола, предназначавшихся для зубных щеток; впрочем, безупречно стерильных. Из чего «ел» Петрович-сан, так и осталось загадкой.

– Ну, давай по *маленькой*, – сказал Петрович-сан, подымая исполинский хайбол, до краев наполненный. – Давай, Саша, дорогой мой, выпьем за эту удачу, что нам на голову свалилась, за всё-за всё, начиная от того, чтобы эти «маленькие» не превращались в большие, до того, чтобы в наших чемоданах всегда...

– Ах, ёпть! – вдруг вскричал он, хлопая себя по лбу, отставляя хайбол и вскакивая с места. Саша и слова не успел сказать, как Петрович-сан выбежал в трусах в коридор, затем вернулся и накинул гостиничный халат. – Итецкая сила! Клепать мои рваные ноздри! – донесся до Решетникова уже удаляющийся вопль. Решетников недоумевал.

Через несколько минут Петрович-сан прибежал назад как был, в распахнутом халате и трусах, но с чемоданом, от которого веяло холодом.

– То-то я всё думаю, страдаю – чего же не хватает? Во! Догастролировался! Сумку со жбаном взял, а чемодан свой – забыл! Чужие чемоданы, – стал жалиться он, – лелеешь и бережешь, как зеницу ока, а свое забываешь. Однако, бр-р, холод, да и не видать ни зги. Ужас, мгла! Зусман крепчает.

– Итак, – продолжил он, присаживаясь как ни в чем не бывало и закуривая новую сигарету, – ...от того, чтобы маленькие не превращались в большие, до того, чтобы в наших чемоданах не переводилось не только...

Решетников пил сухое вино большими глотками, с наслаждением; по всему телу разливалось тепло, до мельчайшей прожилочки. Ему было уютно, хорошо – всё существо его переполняла какая-то непонятная, замешанная на тоске, влюбленность; в кого, во что – было несущественным. В усталость, в вино, в этот вечер, в горы, в Аню?

Внезапно ему почудилось, что он как будто стоит на пороге чего-то нового и небывалого, в преддверье каких-то больших событий, способных изменить весь привычный уклад его жизни – ощущение это было ярким и внятным, но ни причину, ни физическую форму этого Решетников ухватить не мог. Что бы он ни пытался назвать мысленно в качестве вещественного выражения этого ожидания – ничего не могло пока соотноситься с решетниковским предчувствием; всё окружающее просто вызывало в нем чувство согласия и любви, и еще чего-то неизмеримо большего – на подходе.

Наконец, он увидел, что Петрович-сан встал и шагнул к кровати.

– Как ты, Сан? – спросил Решетников.

– Что-то... не стоит! – объявил Петрович-сан и, надо сказать, действительно, не обманул – рухнул на пол, как подкошенный.

Силы, наконец, оставили его.

4.

Первые признаки чего-то исключительного, из ряда вон выходящего, стали проявляться примерно часам к десяти утра, когда завертелись первые слухи и залились трелями первые телефонные звонки.

– Кто-нибудь выходил из отеля? С какой стороны наш выход? Мы вчера подъехали к каким дверям?

Часть проснувшихся хотела было пройтись по окрестностям, но коридоров и лифтов в здании оказалось такое множество, что вчерашний вход в отель как сквозь землю провалился. Искали и вываливались все время не туда – на выходе не было ни автобусной стоянки, ни чего-либо похожего на вчерашний пейзаж, точнее, представление о вчерашнем пейзаже.

Второй исключительностью оказалось то, что внушительных размеров отель при свете дня оказался в плане каких-либо иных гостей необитаемым – об этом можно было судить по обилию ключей, вставленных во все дверные замки снаружи. Портье в ресепшене – впрочем, видимо, ресепшене смежного крыла (так как свой ресепшен никому отчего-то отыскать не удалось) – отсутствовал, что тоже было странным для заведения такого уровня, несмотря на удаленность его от всяческих метрополий.

Третьей исключительностью было то, что театральное руководство во главе с гением новейшего театра, самим Толстоедовым, до сего часа – еще никак себя не проявило! Это было неслыханно, это было везением; случись верхам объявиться хоть сию секунду, а час на сборы в запасе еще бы оставался, ведь никто не принуждал театральный люд стоять наизготовку к этому часу!

– Я пришел выпить с тобой чаю, – сказал Решетников, появившись на пороге Аниного номера.

– Какая неожиданность! – встретила его Аня чуть иронично, впрочем, гостеприимно.

– Я бы уточнил – какая запланированная неожиданность, – сказал Решетников.

– Да-да, в ситуации, когда что-либо бессмысленно планировать.

– Самые несчастные люди, – сказал Решетников, – это, наверное, психологи и социологи. Они знают всё наперед и понимают всё – от простых мотивов человеческих поступков до целых общественных движений.

– И им, наверное, особенно обидно, – подхватила Аня, – когда все предвидишь, но уже нельзя использовать свои тонкие психологические трюки и повлиять на события. Просто нет времени. Как бы это сказать образно?

– Дорожка для самолета слишком коротка, невозможно разогнаться.

– Точно. Полет будет, как у Петрович-сана.

Несмотря на то небольшое количество часов, что отделяли нынешнее утро от вчерашнего приезда путешественников, Аня была уже абсолютно свежа,

причесана, и, прохаживаясь по номеру в мягком домашнем халате, излучала новую энергию. Вчера она двух слов не могла связать от усталости, а сейчас стала проявлять способности даже к довольно сложным лингвистическим конструкциям. После автобусных мытарств, где люди, не связанные близкими отношениями, засыпали голова к голове, желая друг другу спокойной ночи, а после сна в вертикальных креслах просыпались по утрам отекавшие, красные и воспаленные, – после всего этого вид свежей, сияющей и веющей вокруг себя вишневые и миндальные ароматы Ани казался Решетникову верхом представлений о теплоте и трогательности оседлой жизни, ее основательности и единственной правильности, а все, что движется, путешествует, мечется в поисках чего-то еще, то бrenно, ненадежно и зря.

Аня приготовила чай, они выпили по чашке в улыбчивом молчании – дело было не столько в неловкости их первых посиделок, сколько в напряжении от неопределенности ближайших минут – хорошенькое дело, чаепитие в ожидании телефонного звонка на сборы! Ибо пить чай можно в любое время суток, но хорошо пить чай с хорошей девушкой можно лишь, когда за спиной тяжелый день, а впереди легкий вечер, когда не потянут за фалду – ну, всё, попили чайку, а теперь в путь, пора!

У Решетникова от такого неправильного чая в итоге едва ли не пересохло в горле.

– Что-то мы как-то... не так! – наконец, сказал он. – Как будто в двух мирах живем одновременно. В одном, ожидаемом, радостные перспективы, а в другом, реальном... Надо это напоследок хоть как-то сдвинуть с места. Слушай, Аня, может, пойдём прогуляемся? Мороз и солнце, день чудесный, и все такое.

– У нас, наверняка, и часа в запасе не осталось. Хотя, хм, почему бы и нет? Если бы ты принял моё вчерашнее приглашение, мы бы уже к этому времени, возможно, и прогулялись, и чаю попили! – саркастически сказала Аня, пытаясь шутить в манере, свойственной их гастрольному кругу.

– Не думаю, – сказал Свягин. – Психологи бы сказали, что это провальный вариант развития событий.

– Так и есть. Но я с тобой сейчас и соглашаюсь во всём, как будто мы еще в первом мире. – рассмеялась Аня. – Именно потому, что его нет.

– Предвижу, что такое согласие, появившись у нас время, тут же бы и закончилось? До нового, возможно, поворота?

– Эх, зачем гадать, если здесь ни времени, ни поворота? Поэтому и признаюсь тебе в этом честно.

– Аня, ты меня пугаешь! – удивлялся Решетников. – У девушек это должно быть не расчетливо, а интуитивно.

– А оно у меня и интуитивно, – в очередной раз согласилась Аня.

– Ну, так мы идем?

– Да, летим. Разгоняемся по взлетной дорожке, которая на полпути обрывается.

Аня взялась было переодеваться при Саше, но ввиду нестандартной за последнее время, непривычно домашней ситуации – остановилась, только развязав пояс и чуть распахнув халат. «Отвернись», – сказала она, видимо, каким-то дальним, генетическим уголком сознания уловив, что вне сценических экс-

тремальностей мужчине положено отворачиваться, когда девушка переодевается.

– Можно! – сказала она наконец.

Решетников, неожиданно перешедший из разряда «своих людей» в разряд зрителей, повернулся и – поразился. Девушки-артистки, стрекозы и плясуньи, которые по артистической сути своей – стриптизерши и нудистки (ибо суть и соль театра, это голый человек на голой сцене), перемерявшие за свою жизнь тонны тряпья и, казалось бы, не ставящие одежду ни во что – умели тем не менее одеться так, что и любая мешковина, наброшенная на них, выглядела бы единственно в данном случае уместной и идущей им к лицу. Аня, восхитительно созданная, безукоризненно стройная, сознающая свое совершенство, была одета в стиле горных вершин – в белоснежные брюки и свитер, с белоснежным пуховым шарфом, облегающим ее тонкие плечи и узлом завязанным на груди, – на случай недолгих выходов в холодное внешнее пространство. Она в тысячный раз была переодета во что-то новое, и в тысячный раз была хороша. Такую, белоснежную, ее можно было ненароком потерять на снегу, при слепящем высокогорном солнце. Трудно было держать свое сердце закрытым, когда со вчерашнего дня туда просилось так много – звезды и алмазная пыль Млечного пути, и огромные горы, и белоснежная Аня. Но, увы, открывать его нараспашку сейчас уже не было времени.

5.

С минуты на минуту ожидаемый сигнал трубы и спешные сборы висели над ними, но ощущение новизны, солнечный свет и воздух, горы и голубое небо всей своей огромностью и величием своих пространств – призывали ценить каждую из последних минут, отпущенных несчастной парочке перед тем, как какой-то неведомый тумблер шелкнет, и вновь начнется угрюмая тягомотина без дня и ночи, корабль без бала, огонь да полымя, сценическая пыль.

Взгляд не охватывал всего неба – небо разлеталось, как исполинский выдох, по всем направлениям. Саша с Аней вышли из вчерашнего отельного входа – впрочем, видимо, не из вчерашнего; стоянки поблизости не было, подножие горы брало начало уже метрах в пятидесяти от них, и не набиралось даже той ночной дистанции, где бы Петрович-сан мог разогнаться и немного полетать.

Они стали обходить отель с южной стороны, щурясь от ослепительного света, и увидели вот что – то, что ночью показалось им еще одним подножием в предгорье, было – огромная стеклянная полусфера, своими размерами втрое, вчетверо превышающая размеры отеля, темная ночью, но сейчас паутинно-ажурная, взятая солнцем на просвет, пронзенная его лучами и наполненная изнутри светом отражений, светотенями и полутонами, с разными уровнями, дышащая изнутри зелеными садами, небольшими водопадами и струями веселой воды.

– И из такого рая нам уезжать? – изумленно воскликнула Аня.

– Идем туда! – убежденно сказал Решетников, беря Аню за руку и увлекая за собой, назад, в стеклянные двери холла, сами собой распахнувшиеся. Они проскочили в лифт, будто специально для них стоявший с открытыми дверями

ми. Чувствительные на тепло пальца квадратики на стекле были: «U» – подземный этаж, «GR» – уровень земли и ресепшен, «R» – ресторан, но Решетников был уже третий калач, он нажал квадратик «P», уже зная, куда им с Аней нужно.

Лифт привез их на один из обычных этажей, пустых, с ключами в дверях, но Решетников, не выпуская Анину руку, уверенно зашагал по коридору, в конец его. Там, где кончались внутренние границы здания, в стене имелся квадратный проем, переходящий в еще один бесконечный, освещенный матовыми плафонами со стен, коридор-переход; любопытные разведчики двинулись по нему.

Тупик, замаячивший было впереди, оказался дверями лифта. Саша немедленно вызвал его, но буквенные символы на подобиях кнопок удивили Решетникова. Таких он еще ни в одном отеле мира не видел. Надписи на медных табличках, соответствующие уровням, он не мог прочитать по-французски, он нажал наугад символ «S». Лифт поплыл, поплыл и остановился, двери открылись. Взгляду разведчиков вдруг предстал огромный зал с трибунами, баскетбольной площадкой и беговыми дорожками по невидимому целиком, уходящему из поля зрения, исполинскому радиусу. Все сверкало от новизны, от какой-то физически ощутимой и, казалось, скрипящей при прикосновении чистоты, глянцевого нетронутости предметов, будто с них только минуту назад бережно сняли подарочную упаковку.

Он нажал кнопку «W» – они приехали в столь же огромный зал, залитый солнечным светом, с белым бассейном, заполненным до краев водой, дышащей от подводных струй; с бесчисленными тренажерами из хромированного металла, пластика и кожи – здесь было так же гулко и вновь не попало ни единой живой души.

– А это что за кнопка? – спросила Аня, указывая на странную аббревиатуру «GD». – Самая верхняя. Попробуй ее. Чертовски жалко, все-таки, чертовски, – сказала она, тяжело вздохнув, и, посмотрев на Решетникова, добавила:

– А ведь, серьезно, кто знает, как могло бы всё пойти дальше?

– Что за вопрос. Я бы стал ухаживать за тобой, добивался тебя и при этом думал, что это мое собственное решение, – саркастически пошутил Решетников.

– Нет, я – в целом. Впрочем, о чем я? Не здесь и не с нами.

Лифт ехал неожиданно долго, но, когда двери открылись, Саша и Аня, решительно шагнувшие было на выход, вдруг – замерли как вкопанные.

Такое оцепенение продолжалось еще некоторое время. Затем, переглянувшись, они осторожно, боком, как бы с опаской, стали выбираться из лифта, не сговариваясь. Они смотрели ошарашенно то друг на друга, то вокруг, по сторонам и над головами, и снова – друг на друга, ища объяснения виденному и не находя тех первых слов, в которых их впечатление могло бы выразиться.

И было отчего. Такого они еще не видели. Над их головами, сколько хватало глаз, раскинулась огромная прозрачная полусфера, открывающая всё небо, с птолемеевским улыбающимся солнцем, с декоративными шарами планет, висящими под куполом как бы в пустоте, хвостатыми кометами и дудя-

щими в трубы серебряными ангелами. А вокруг них, источая пронзительные цитрусовые запахи, раскинулся какой-то доисторический по своей буйности, безудержно разросшийся, заплонивший и оплетший лианами всё пространство, сад.

Решетников и Аня смотрели заворуженно на гигантские пятипалые, в рост человека, раскрытые как ладони для приветствия, листья; на водопад, шумно бьющий о каменные валуны, на покрытый мхом свод таинственного грота, слышали пение птиц – во всё этом была сырая свежесть утра, дыхание безлюдного, девственного мира на рассвете, ранняя рань. «Рано еще, сыро еще».

– Мы что, первые, кто сюда попали?! – восхищенно воскликнула Аня. – Хотя... Прости, глупость вырвалась. Просто такое ощущение.

– Знаешь что такое «GD» на кнопке? – спросил Решетников.

– ?

– Га'дн оф дилайт. Сад наслаждений.

– Динозавры, я надеюсь, уже вымерли? – с опаской спросила Аня.

– Давно.

– Как хорошо тут! Поймай мне какую-нибудь птичку, – не унималась она.

– Ну, видишь ли... – строго сказал Решетников, – не надо так буквально понимать детство человечества.

– Ну почему нам отсюда сразу – уезжать? – с горечью воскликнула Аня. – Как будто нас только подразнить сюда привезли, дать выспаться ходячим трупам, и шагом марш дальше. И где уже будем завтра? У нас все ощущения вдогонку, мы рассказываем дома, и даже хвастаемся – вот, весь мир объездили... А были-то везде, ч-черт, проскоком, пролетом, на ходу, бегом! Не успеешь глаза открыть, рассмотреть даже кусок картины, а уже всё уплыло за горизонт. Цыгане! Вся жизнь на ходу! Ну, хоть бы недельку тут!

Они пробрались сквозь джунгли и двинулись вдоль одной из стен прозрачной полусферы, «небосвода», не переставая удивляться всё новым и новым открытиям: зарослям цветов вроде люпина, но исполинского, маленькому пруду с кубышками и лилиями на поверхности, с лягушками и черепахами, тянущими из воды мордочки и требовательно хлопающими ртами, белой механической цаплей, стоящей на одной ноге и не трогающей лягушек.

Вынырнув из-под огромного мохнатого куста с бесчисленными рубиновыми гроздьями, наши Адам с Евой обнаружили овальное отверстие в стене и уходящий вдаль прозрачный туннель, расчерченный по окружности крест-накрест дюралевыми ребрами каркаса. Решетников, не раздумывая, вскочил туда.

Аня ступила шаг в прозрачную трубу и остановилась в нерешительности.

– Пойдем! – подбодрил ее Решетников. – Пойдем, не бойся!

Он и сам чувствовал холодок под сердцем, свойственный состоянию всякого преодоления. Но было отчего и утешиться, и восхититься. Прозрачный туннель, с отражениями гор и облаков на искривленной цилиндрической поверхности – связывал зимний сад и отдаленную, навроде маяка на вершине соседней горы, прозрачную пирамиду, пролегая через небольшое ущелье. Над этим ущельем, залитым платиновым светом, и предстояло пройти нашим раз-

ведчикам. Аня ступала осторожно, ей казалось, что каждый следующий шаг делается уже в прозрачную пустоту.

– Ты уверен, что я смогу? – еще сомневаясь, спросила она.

– Не смей меня, – отвечал Решетников. – Ты артистка. У кого это получится лучше? Тебе нужно только представить себе роль.

Он пел и топал в пластик ногами, подбадривая ее еще и на середине ущелья:

«А в исполкоме скажут мне, что это чушь и это бред,
Но я видел исполкомы, которых здесь нет!»

Они были близко к небу, рядом с облаками. Наконец, туннель кончился, наши путешественники ступили внутрь пирамиды и...

...То, что они увидели перед собой, заставило их опять, как и несколько минут назад, – оторопеть, оцепенеть, лишиться дара речи.

Почти всё прочее «человечество», их товарищи, численностью около трех десятков – стояли перед ними, как будто путь, выбранный Сашей и Аней наугад, путь, забросивший их через систему лабиринтов и туннелей почти что в другое измерение, – был единственным, приводящим всякого любопытного именно в этот пункт, в пирамиду-маяк на горе, самую высокую точку ближних и дальних окрестностей.

Это было сродни сну. Решетников увидел и Петрович-сана, и Свету Деревягину, и Олю Бойко, и прочих, в полном молчании столпившихся у стеклянной наклонной стены и смотрящих вниз, в сторону отеля.

– Во, пополнение! – воскликнул Петрович-сан. – «Незаметно присоединяйтесь к нам, барон!» На ядрах, кстати, летать умеете? Лично я, признаюсь, согласен лететь только на «глубинной бомбе».

– Что ты несешь, жопа! – воскликнул Решетников, не пришедший еще в себя и от перехода по трубе, и от неожиданности увидеть всех здесь, собранных вместе. – А что, люди, автобус в театр разве отсюда отправляется? Это что же, выходит вы все пролезли через трубу? Объясните, что происходит, почему молчим? – всё еще изумлялся он.

– Банкет будет сегодня ночью, – сказала Света Деревягина. – Вроде как после спектакля. Но спектакля, э-э... – протянула она неуверенно. – Спектакля, э-э-э...

Окружающий народ, как древнегреческий хор, слаженно и низко, в тон Свете, радостно подхватил:

– Спектакля – э-э-э!

– Спектакля, наверное, не будет. Да, конечно, спектакля – не будет.

– Что за чертовщина?! – едва не вскричал Решетников. – Откуда вы – тут? Вы все – настоящие ли? Не глюки ли у меня? Какой еще банкет ночью? Здесь? Объясните!

– Банкет по поводу дня рождения импресарио, – недовольно, как бы уже смертельно устав от объяснений, сказала Света.

– Мы здесь сегодня ночевать должны были после спектакля, – услужливо ввязался объяснять Петрович-сан, – поэтому и банкет будет ночью. Без главного виновника торжества. Шабаш, так сказать.

– Изыди, сатана! – сказал Решетников. – Ты почему не куришь, сволочь? Петрович-сан должен нещадно курить!

– Ах, да! – спохватился Петрович-сан, доставая сигарету и закуривая. – Курить – это мы всегда пожалуйста, на куреве нам хвост не прижмешь! Вот ежели б водицей меня полить, или, скажем, попросить в зеркало заглянуть, то... гм... Ну, ладно, ладно! – он вдруг рассмеялся облегченно, становясь снова настоящим Петрович-саном. – Хватит! Хватит их дурить, ребята!

Собрание грянуло дружным, давно сдерживаемым смехом. Испуганная Аня жалась к Решетникову, ничего не понимая.

– Идите сюда, – потянул Сашу за рукав Петрович-сан. – Иди, иди, и Анечку вперед пропусти, вот, поближе, отсюда лучше видно.

Решетников глянул в окно, присел от неожиданности и вдруг в одиночестве, запоздало от всех, расхохотался.

– Ну, понятно! – крикнул он. – Теперь всё сходится! Дурили меня, сволочи, и Аню перепугали до смерти!

– Ладно, ладно, посмеялись, и будет! – сказала Оля Бойко. – Ребята, давайте посерьезнее. Продолжим. Для Ани с Сашей повторяю, что речь идет о моих утренних переговорах с хозяином гостиницы.

– Странно как, – сказала Света Деревягина. – Как специально всё сходится. В Москву звонила утром, бросаю монеты в аппарат, их слышу отчетливо, а они меня – как отрезало, не слышат ни звука. Кричу им: «Расскажите что-нибудь, просто что-нибудь говорите! Я вас слышу!», а они: «аллэ-аллэ!» и трубку кладут. Мы уже прям, действительно, как на том свете – мы их слышим, а они о нас даже понятия не имеют! Может, мы тут и вправду все померли?

– Померли-не померли, – встрял еще кто-то, – но теперь уж точно из прежнего мира выпали! Я, например...

– Хватит вам о своем! – возмутилась Оля Бойко. – Мы говорим об общем, решаем наши общие проблемы! Теперь...

Решетников, в свете увиденного, нервно посмеивался, будучи не в силах привыкнуть сразу к таким значительным переменам в их планах. Аня молчала, настороженно слушая Олю.

– Теперь чисто организационные вопросы. Снежный завал, образовавшийся ночью из-за схода лавины...

– Какой завал, почему? – Аня все еще как будто не воспринимала происшедшее.

– Завал, который отрезал нам единственную дорогу и замкнул наш отель в кольцо...

– Бордюрик мой совсем завалил! – жалобно пискнул Петрович-сан, нещадно дымя. – Хорошо хоть, что я свой чемодан успел оттуда унести!

– ...будет расчищен, по словам хозяина, не раньше, чем через неделю. Пока гусеничная техника подойдет, пока то да сё...

– Что со жратвой? – крикнули из толпы.

– Со жратвой проблем нет, – ответила Оля. – Вернее, не так, проблемы есть, но как бы наоборот! Девать ее некуда!

– Некуда? Мы найдем, куда! – раздалось еще при общем смехе.

– Теперь насчет банкета, специально для Саши с Аней, которые еще не в курсе. Импресарио заранее заказал на сегодняшнюю ночь грандиозный банкет в честь своего дня рождения, и, предполагая, что он состоится после спектакля, назначил время – в полночь. Всё уже оплачено, закуплено, блюда готовятся – и ничего отмениться не может.

– Банкет состоится в любую погоду! – сообразил Решетников. – Даже без именинника.

– Мы выпьем за его здоровье, так и быть, – сказала Оля. – Где он сейчас? Где Толстоедов, где все прочие наши пидо... э-э... ну, руководство, в общем! Дальше. На завтра еще один банкет заказала мэрия, хотел быть мэр города, но умоется снегом, так сказать, с той стороны завала! Продукты, вина, цветы – всё уже доставлено и ждет своего часа. Всё оплачено, бумаги подписаны, и отступить от соглашения хозяин отеля не может ни на йоту. Но это еще не всё. Хозяин в панике; у него своих запасов, в том числе и скоропортящихся – выше крыши! Форсмажор это называется. Так, что проблем со жратвой – не будет! Спектаклей – не будет! Начальства – не будет!

– Ур-ра-а! – разнеслось под сводами пирамиды.

– Конечно, – продолжала Оля, – хозяину выгодней, чтобы мы не спасались экстренно, а жили у него до того дня, пока в снежной горе проделают брешь и нас вывезут отсюда на колесах. Мэрия Родеза считает, что опасности для нашей жизни нет, спасательную технику она задействует планомерно и берет на себя расходы по нашему проживанию на эти дни. Хозяин отеля, разумеется, предложил нам вариант моментального спасения, чтоб нас отсюда вывезти по воздуху на частных вертолетах, но... В этом варианте мы вылетаем с песнями, а хозяин если и не вылетает в трубу, то несет ощутимые издержки. Так что, будем спасаться?

Общество недоуменно переглянулось.

И тут вдруг Аня, отстраняясь от Решетникова, подала голос.

– Спасаться? – воскликнула она так звонко, что Решетников даже посмотрел на нее с удивлением. – Спа-сать-ся?! Спасаются, вообще-то, для рая! А от рая – еще никто не спасался! Если кому-то кажется неожиданным, что наши планы поменялись, то обратите внимание, как называется этот комплекс. Можно было на вывеску взглянуть, раз мы тут больше, чем на одну ночь! Так как он называется?

– «Парадиз», – прочитал кто-то бирку на ключе.

– Я его себе таким и представляла, – после некоторой паузы тихо сказала Света Деревягина.

– Кого, чего, золото мое? – уже спешил к ней Петрович-сан.

Света, будто боясь произнести магическое слово, сказала совсем тихо:

– Рай.

– Так как же вы всё-таки сюда попали, други? – спросил Решетников. – Неужели через трубу?

– Что ж мы, с дуба рухнули? – удивился Петрович-сан. – В зимнем саду многие были, но как трубу увидели – ша! Дураков нема!

– Так как же?

– Да фуникулер же есть! – рассмеялся Петрович-сан. – Вон, видишь? Мы, как заметили, что вы с Аней ползете, чуть в штаны не наделали все со страху! А ты еще про какие-то исполкомы поёшь!

Глава 2. Добро пожаловать в рай

1.

В полночь давали банкет. В холле из мрамора и стекла, с фонтанами, пальмами и кожаными диванами, втягивающими в себя едва ли не всё тело, к назначенному часу собрались все бывшие путники и скитальцы, а теперь – новые жители «Парадиза».

Нынешняя ночь дала повод многим наконец-то основательно, не спеша порыться в своих чемоданах, где с удивлением обнаруживалось немалое количество накупленного за поездку, но так еще ни разу не надёванного новомодного тряпья. Мужчины были элегантны, выбриты, зачесаны и одеты с иголочки, но – женщины!

И без того будучи всякий раз новыми, другими, необычными – женщины и теперь поражали самое богатое воображение разнообразием вечерних туалетов, от греческих полупрозрачных туник до строгих вечерних платьев с вырезом на спине, поражали новой, новейшей, полной переменой уже, казалось бы, сложившихся образов и представлений мужчин о них. Каждая была хороша, и каждой (о чем мы уже упоминали) до ослепления шло именно то, во что она была нынче одета – в холле смешались бесконечные стили, вкусы и предпочтения, и всё вместе это было захватывающе-гармонично.

Впрочем, Аня, конечно, была ярче всех.

Вернувшись еще днем из Сада наслаждений, Решетников заметил произошедшие с ней перемены. В гостиничном холле она находилась в компании подруг и на Решетникова, двинувшего было к ней, бросила взгляд лишь мельком, искоса – как смотрят на любой движущийся объект, чтобы только отметить для себя его присутствие. Уже не было той прежней Ани, в простодушном отчаянье сожалевшей об отсутствии времени или говорящей «Поймай мне птичку». А была белая снежная королева, холодная ледяная красавица, абсолютно чужая, как бы не принадлежащая даже здешнему райскому быту, отделённая от него чем-то более совершенным, чем все окружающее. Судя по всему, Решетникову полагалось подойти к Ане, когда она останется одна, но он, наглец, посмеиваясь, принял этот вызов – пошел поперек возможного Аниного расчета, и, когда подруги ушли, Аня увидела, что Решетникова в холле тоже нет.

Теперь же стоял гул ожидания банкета, народ предполагал сценарии приема, делились дежурными воспоминаниями о прошлых приемах. Под пальмой, у самых стеклянных дверей, ведущих в основной зал, уже сидел на изготовку артист по кличке Магический Поцюк, прозванный так не только в честь гоголевского персонажа, но и за свою уникальную способность в любом незнакомом городе, даже ночью – на нюх выводить всю новоприбывшую толпу к ближайшему винному шопу. Сейчас, нервно теребя атласную жилетку и поправляя то и дело яркий красный галстук с золотой, по его уверениям, за-

колкой, он старался пропускать мимо ушей насмешливые реплики товарищей:

– Почём жилетку брал на развале? Хау мач галстук? Много корзин перерыл, Поцюк?

В клубах дыма, как Смоук из «Мортал Комбат», прохаживался впереди Петрович-сан; разве что ни с кем не дрался. Вечный оппонент Поцюка, Петрович-сан обращался к обладателю красного галстука каким-то полузабытым стишком из пионерского детства:

«Как повяжешь галстук, береги его,
Он ведь с носом папиным цвета одного!»

– Дурак, это Донна Каран! – нервно отмахивался Магический Поцюк, чтобы навязываемый ему образ не диссонировал с ожидаемым торжеством.

– Этот Поцюк, действительно, невыносим! – тоже находясь в легком нервном возбуждении, говорила Света Деревягина. – На какой развал первая ни придешь, в какую корзину не заглянешь, а оттуда уже торчит голова этого... Поцюка! Глядишь – уже роет!

...Далее следовали: танцовщица Шинина по прозвищу Опа-Шина-Най (Шина Лоллобриджида, или просто Шина), прекрасная Аня в платье-балахоне и ботинках с высокими голенищами в сотню крючков, Оля Бойко в строгом вечернем платье и с переговорником воки-токи в руках, и еще, и еще.

Вдруг стеклянные двери с матовым ампирическим узором распахнулись, хозяин отеля выплыл из живого коридора людей обслуги и, по-домашнему улыбаясь, сказал:

– Bonsoir, Madame, Monsieur! Attendez-vous quelqu'un? (на «Attendez-vous quequ'un» некоторые улыбнулись). Je vous invite au Paradise! –

После чего сделал приглашающий жест рукой, и толпа числом в несколько десятков поплыла в огромный зал, убранный по стенам волнистыми гирляндами живых цветов, с бесконечным столом-каре по периметру.

Пока происходило переселение народов из холла в банкетный зал, Оля Бойко выхватила из толпы сначала Аню, потом Решетникова, подвела их к хозяйину и сказала:

– Месьё Клебер, пермэтэ муа дё ву прэзантэ мадемуазель Ани, авек месьё Александер, силь ву пле!

– О, о! – затряс им руки месье Клебер. – Je suis heureux de faire votre connaissance! On ne peut rien me cacher! J'en suis ravi!

Решетников с Аней недоуменно переглянулись, и Саша, порывшись в памяти, объявил первое, что пришло в голову:

– Гм! Же не манж па сис жюр!

– О-о! – засмеялся хозяин, оценив шутку. – Ce ne sera pas le cas cette fois! («На этот раз это не пройдет!» – перевела Оля).

Решетников и Аня отошли, наконец, и, кивнув друг другу из вежливости в знак благодарности, расстались. Недремлющие друзья Саши утащили его за ту часть стола, где уже заранее были заняты для них пустующие места, Аня села на значительном отдалении меж Шиной и Светой Деревягиной.

– Prendrez-vous un apéritif? – спросил официант у компании, где сидел Саша..

– Ты как? – повернулся Петрович-сан к Решетникову. – Может, сразу по стакану, а потом уже хорошо покушать? Или чего-нибудь легонького, но весь вечер? Чтобы «лаком» потом не крыть?

А Магический Поцюк оставался верен себе, своей интуиции.

– То, что принесут сейчас, – пророчествовал он, – будет еще не то! Тяжелая артиллерия вступит в бой позже!

Не обращая внимания на соленые печенья, фисташки, маслины и прочий «мусор», пробу решено было снять сразу с холодных закусок, из коих на столе были: авокадо под майонезом, ассорти из крабов, осьминогов, креветок и улиток, паштет из зайца с лимоном и зеленью, холодный рулет из гуся, заливной язык, всевозможные колбасы, джамбоны и дольки копченого мяса, салаты из всех видов овощей и капуст: от андивов, источающих запах цикория, до банальных спаржи, анчоусов и фиолетовой брокколи.

Выбор крепких напитков в качестве аперитива к холодным закускам был широк, хотя и достаточно традиционен – от мартини до анисовой водки пастис, включая промежуточные формы типа портвейна, виски и джина. Выбор же вин был хорош, а именно: было райское божоле, красное и белое бордо, кют дю рон, бургундское, рислинг, белое, солнечное сотерн, гранатовый сент-эмильон, и венец аперитивов – кир руайял с сиропом из черной смородины.

Имениннику импресарио, как отсутствующему, налили стакан водки и накрыли его сверху кусочком хлеба – эта гнусная идея принадлежала Магическому Поцюку («Хорошо ему сейчас, – хитро говорил Магический Поцюк, – он на свободе, ест и пьет, что хочет, идет, куда хочет... Это мы тут затерты, в горах. В заточении, так сказать. Хотя, справедливости ради, надо отметить: что-то я среди этих гор клаустрофобии не чувствую!»).

Хозяин сказал небольшую речь, Оля перевела, после чего наступило время тостов, обстоятельных, многочисленных, переходящих в подачу горячих блюд.

Из горячих блюд было: во-первых, коронное блюдо родины месье Клебера, Эльзаса – огромные блюда эльзасской кислой тушеной в рислинге капусты «шукрут», обложенной сверху копченой дымящейся колбасой с чесноком, сосисками и вареными свиными ножками; коронное блюдо родины шеф-повара отеля, месье Эжена Кенталя – тулузские cassoulet – бобы, тушеные с гусятиной и сосисками, и его любимое региональное блюдо – небезызвестный «фондю савуайярд», растопленный сыр с чесноком, в который обмакивают гренки, а также лионские кнели, нормандские рубцы и даже требуха les tripes – пальчики оближешь! Далее следовали: запеченный горячий окорок с фасолью, la brochette (по-русски шашлык) из молодого поросенка с жареным картофелем и зеленым горошком, le canard a l'orange (утка с апельсинами), петух, жаренный в вине, курица с миндальными орехами, кролик с кокосовым орехом, индейка с гранатами, цесарка с черносливом, фаршированные голуби, куропатка в шампанском, и les cailles au cognac – «ле кай о коньяк», – перепелка, тушенная в коньяке.

Хозяин сам рассказывал о блюдах, объясняя что к чему, и как что называется – le poulet aux amendes, la pintade aux pruneaux, – чувствовалось, что он

«схимичил», но схимичил как-то особенно, не по-нашему – к заказанному и оплаченному именинником – добавил на стол еще и долю из собственных запасов.

По французским канонам еды после горячего полагались сыры, проходящие по разряду отдельного блюда, но, попросив с Олиной помощью минуточку внимания, хозяин вызвал на небольшой подиум с роялем и микрофонами Аню и Сашу Решетникова. В руках у него были две картонные корочки с вензелями, забранные в рамки.

Оказалось, что труба над ущельем, которую преодолели наши герои, предназначалась для тех постояльцев «Парадиза», кто, пресытившись земными райскими благами, искал острых ощущений. Это был, собственно, самый адреналиновый аттракцион из всех имеющихся в отеле – более адреналиновый, чем прыжок «камикадзе» и плавание в бассейне с акулами. Всем преодолевшим прозрачную трубу хозяин вручал по традиции именной диплом отеля, удостоверявший этот факт.

Люди из obsługi, а за ними и все гости, зааплодировали, засвистели и зашумели одобрительно, Саша и Аня поднялись на невысокую сцену-подиум, глянув друг на друга с вежливой улыбкой, и месье Клебер попросил бесстрашных героев сказать несколько слов в микрофон, каждому порядка одной минуты.

– Уважаемые дамы и господа! – начал Решетников, а Оля сазу подхватила: «Мадам, месьё!..»

– Если бы я имел и не более десяти секунд, я бы сказал главное – что весьма благодарен месье Клеберу с помощниками, гостеприимной Франции и ее горным климатическим особенностям.

Театральная публика слушала это как некое протокольное вступление, но месье Клебер и работники отеля после Олиного перевода ответили радостным дружным смехом и зааплодировали. Саша повернулся в сторону Ани, но она, заметив это движение, никак не отреагировала. Решетников принял и этот вызов, и отреагировал так.

– Очень странным было обнаружить, – сказал он, – что в нашей реальности есть место, где могут быть исполнены все твои желания. И вот со всем, что прежде не давало мне покоя, здесь покончено. Это новое чувство освобождения и даже прекрасного опустошения – никаких других мечтаний и желаний я более не имею. Душа моя безмятежна, сердце пусто и бьется ровно. И я отрекаюсь от всех страстей, ибо нет ничего на свете прекраснее, чем одиночество, покой и самосозерцание!

Русскоязычная часть собрания, убедившись, что Решетников закончил речь, зашевелилась в ожидании перевода для хозяев, чтобы уже покончить со всем этим протоколом, засвистеть и зааплодировать. Улыбающийся хозяин, повернулся к Оле Бойко, ожидая перевода, а Оля сжалась.

– Саш, что мне переводить-то?

– Ну, вырази там что-нибудь, – сказал Решетников

– Же не пё па тэрминэ сан ву зувуар... – зачастила Оля, говоря о том, что Решетников не может закончить свое выступление, не выразив еще раз свою благодарность... и так далее.

Речь, как могло бы показаться, всем очень понравилась. Хлопали и гости, и хозяева. Некоторые эстеты из отечественной публики даже отметили необычный формат выступления («Хм, действительно, круто – одиночество, покой и самосозерцание»). «Необычная речь, зато расширяет наши представления о жанре приветственного слова»). Но Аня неожиданно речь говорить не стала, а попросила пересесть из-за стола к роялю театрального концертмейстера Костю и заявила:

– Я вместо слов станцюю экосез Шуберта.

Для танца она была экипирована неформатно – как мы уже упомянули, в шнурованных ботинках на высоких каблуках и платье-балахоне; очевидно, что танцевать она в этот вечер на публику не планировала, но вот, вызвалась.

Она стала в позицию – с первым тактом волосы ее отлетели назад, Аня сделала прыжок и перешла на попеременное вращение на носках ботинок – платье ее распустилось, открывая линейное совершенство ног, и тут же было погашено. Последовал новый прыжок, и еще один. Музыка, и без того какая-то наступательная, задиристая и даже отчасти нагловатая, очевидно использовалась Аней для придания танцу еще большего гротеска – она показывала классические линейные движения, которые неожиданно, как холодный душ на голову зрителю, намеренно выворачивались в постмодерновые жесты, пародирующие классику. Но это была не карикатура, а, скорее, агрессия.

За те короткие полминуты, пока длилась музыка, Решетников понял, что этот танец есть послание лично ему. Аня так хорошо делала то, чего не умел и о чем даже понятия не имел Решетников, была столь совершенна линиями и формами, что послание это не требовало особой расшифровки, прямо означая – между нами существует дистанция, в которой ты не приблизишься ко мне ни на сантиметр.

– Нашла коса на камень, – сам себе тихо пробурчал Решетников, непременно желая «артикулировать» свои ощущения, когда Аня закончила танец. – Она мне как будто пощечин надавала.

Театральная публика, разумеется, также мало что поняла из происходящего, но увидела, что Вострикова сегодня изобразила что-то весьма жесткое. Французы же с неммым восхищением увидели танец, в котором танцовщица была чем красивей и совершенней, тем неприступней.

Банкет продолжался. Наконец, настало время сыров. Их было, как звезд на небе – от простого фромаж блан, напоминающего свежайший деревенский творог, до духанистого пикантного рокфора всех форм и сочетаний добавок. Не обошлось и без samambert. Также были: вашрэн, бри, реблошон, покрытый пеплом («Петрович-сану, Петрович-сану!» – пронеслось по столам), канталь, мюнстер, том, острый, из овечьего молока блё де кос и блё де брес с точками зеленой плесени внутри, и еще, и еще. Пили бордо под реблошон, пили водку под канталь, пили и ели, не оставляя места для десерта. А под десерт (пирог с клубникой и лимоном, шоколадный мусс, взбитые белки с ванилью, мороженое с кремом chantilli и др.) всё-таки пили еще и шартрез, и бенедиктин, и кальвадос, и рейнвейн, и глинтвейн. Поджигали пастис и пили его с огнем. Ели и пили до рассвета, пока сил больше ни у кого не осталось. Просто не осталось сил.

2.

Такого «хмурого утра», последовавшего за банкетом, бедные путешественники давненько не могли припомнить. Точнее, не помнили вообще. Скажем так – выражение об утре, метафорически верное, неточно фактически, и уточним – утро было далеко уже не утром, а временем после полудня, день же был солнечным.

Мучились все. Кто-то с похмелья, кто-то от переедания, кто-то с недосыпа, но, статистической справедливости ради, именно «кто-то», поскольку подавляющая часть публики мучилась (прямее сказать, помирала) «от всего сразу». Никто не вышел к обеду, предпочитая остаться поближе к унитазу и подушке. Некие тени в Саду наслаждений, страдая в последней степени и нещадно ругаясь, похмелялись шампанским – по всему же «Парадизу» наблюдались разброд и шатание, муторное колобродение, насильственная имитация жизни, стенания и скрежет зубовный.

Магический Поцюк, лиловый и отекший лицом вплоть до верхних век, в мятой одежде (он не раздевался с вечера), стоя у лифта, выгребал из карманов в пластиковый мусорный бачок вчерашний банкетный сор – сырки, соленые печенья и орехи.

– Во, приучили, гады, басурманы, – бормотал он, чуть живой, боясь вздохнуть, – белого человека даже в раю заставляют унижаться.

– Условный рефлекс, Поцюк, – говорили ему одни.

– Безусловно, – отвечивал страдалец. – Но не мы в этом виноваты, а эпоха потребления...

– Да ты халявщик! – досаждали ему другие. – Вот и весь твой условный рефлекс, и вся твоя эпоха! Справедливость на свете существует – три сырка ты украл, а где твоя золотая булава и брендовые запонки? (это была издевка над тем, что купленные на развале вещи Поцюк объявлял аутентичными).

– Не искал еще. И я не халявщик, – оправдывался Магический Поцюк, морщась и страдая в последней степени, – просто я всегда предчувствовал трудности.

– И что ты сейчас предчувствуешь?

– А сейчас я предчувствую, что трудностей не будет! Но... ничего не могу с собой поделаться. Да, я облажался! – неосторожно повысил он голос. – Но ведь приучили! Сам бы я вообще...

– Может быть, водки выпьешь, Поцюк? – неожиданно спросил какой-то шутник, «доброжелатель».

– Агг-х, птьфу! – стал вдруг плевать в бачок Магический Поцюк. – Молчите про это! Фу, гадость, не сглотнуть! Х-х... – он замер на секунду, прислушиваясь к себе, – фу, отпустило, вроде. Параша во рту, стойло! Как вспомню! Всё! Хватит! Предчувствую, что наступает для меня эпоха овощных салатов и эра легких шипучих вин! Никакой вод... Агг-х! Птьфу! Ак... – и расслабившегося было Поцюка неожиданно стошнило в злосчастный бачок.

– Херово мне! – стонала Шина, взявшая накануне в женском алкогольном хит-параде верхнюю строчку. – Видите Поцюка? Мне сейчас – во! – как ему!

Сумбурный день, как и следовало ожидать, быстро склонился к закату. Стемнело. Вечером, чуть придя в себя, насилу обзвонившись и растолкав всех

спящих, путники собрались в Каминном зале, ибо в докомпьютерные времена единственной формой общения соотечественников были живые собрания. Добровольцы разожгли камин. Поленья горели, с шумом лопаясь; продолжительная сосредоточенность на одном предмете и магическая внятность огня мало-помалу многих привели в чувство. Можно было позавидовать тем, кто занимался огнем, кто у каминной решетки мог по-настоящему отвлечься, подкладывая по мере дрова и вороша грубыми прокопченными щипцами дышащие жаром уголья или еще свежие сосновые поленья с мелкими каплями смолы. Смола пузырилась в огне, а уголья перетекали из черного в платиново-красное свечение, это отвлекало от тяжелых мыслей.

В кругу вчерашних участников застолья всегда приятно пожаловаться на похмелье, приятно знать, что любой вырвавшийся из груди стон найдет самый душевный отклик в сердцах ближних. Но сейчас в воздухе висело нечто иное – общее, тягостное недовольство случившимся, ощущение нелепости сотворенного за компанию, терзающее душу и физической дурнотой подкатывающее к горлу. Что же с этим было делать сейчас, и что всем вместе было делать дальше – не мог выразить на словах никто.

Сидели и лежали на креслах вокруг камина, на полу, у колонн – вели отвлекающие разговоры, – люди, собранные недугом и тоской, и все как один с рухнувшими планами. Первый свободный и столь уникальный день можно было посвятить чему угодно, но только не рвотному недугу.

Так новичок в больничной палате, угодивший туда неожиданно, первое время не находит себе места: «А ведь у меня... А я-то хотел в эти дни...» – «Молодой человек, – мудро и неторопливо говорят ему опытные обитатели палаты, уже «лежалые», – да будет вам известно, что в этом заведении нет ни одного, у кого бы с треском не рухнули какие-нибудь планы! За исключением медсестер, разумеется!»

Но кто в Боге отпущенные дни счастья – добровольно выбирает болезнь? «Разве что идиот», – переглянемся мы с читателем. «Или группа идиотов», – тяжело кряхтя, мысленно поддерживает нас собрание страдальцев у камина.

– Древних греков, между прочим, тоже стубили пресыщение и избыток удовольствий, – говорил Петрович-сан, сидя на полу у мраморной колонны и философски глядя на каминный огонь. – Обжорство, пьянство, скотоложество. Спору нет, всё это вещи неправильные. Но как избежать пресыщения, куда денешься от удовольствий, если они сами лезут тебе в рот? Это замкнутый круг.

– А интересно, люди, как древние греки спали с козами? – тихо спросила Оля Бойко, неутомимая прежде организаторша, запивающая теперь таблетки фестала шампанским. – Я имею в виду не моральную сторону, а детали процесса.

– Была бы коза, а детали природа подскажет, – раздался чей-то слабый мужской голос с пола. – Нам вчера для полного счастья коз еще не хватало. Да. Хорошо, что коз вчера не подавали.

– И всё-таки? – не унималась Оля. – Ведь козе это может, мягко говоря, не понравиться? Она же – вырваться будет?

– Я тоже долго мучился над этим вопросом! – с подозрительной долей мечтательности откликнулся Петрович-сан. – Да! Как это дело можно было бы, так сказать, технически обставить.

Окружающие с завистью заметили, что Петрович-сан, развивая культурно-историческую тему, всё более и более оживал.

– Да, хм! Большим плюсом, – несло его по лабиринтам фантазии, – является то, что козу, в отличие от женщин, не нужно предварительно уговаривать, обещать невозможное, нашептывать на ухо всяческие банальности и... и так далее. Далее! Не знаю, как древние греки, но лично я думаю, надо поступить – так!

Он даже привстал от волнения, в своей обычной манере резкими жестами подчеркивая силу собственных идей. Живым, но вполне цензурным языком Петрович-сан описал ряд изобретенных им тут же способов умиротворения козы, включая использование театральных ботфорт, а также приспособления вроде скотча или театральных хомутов. Когда он закончил свои построения радостным возгласом: «Как видите, задача вполне решается!» – народ подумал было, что с поставленной проблемой разобрались, однако оказалось, что это лишь отбивка к следующей части программы.

Слева от камина располагалась черная информационная доска на треноге, содержащая старые гостиничные записи цветными мелками о времени каминных мероприятий. Находясь на прежней возбужденной волне, уже не на шутку эмоционально заведенный, Петрович-сан вскочил с места, перебежал к доске, одним махом стер рукавом французские каракули и, схватив мел, принялся со стуком чертить схемы каких-то устройств и механизмов. Очевидно, что в нем проснулась сущность бывшего студента МИФИ, выгнанного с последнего курса за «нежелание следовать принятым для студентов правилам» (то есть за что-то более весомое, чем невинное пьянство, после чего он, собственно, и подался работать осветителем в театр). Поясняя, Петрович-сан нервно рисовал на своих схемах стрелки, означающие векторы момента силы, а в одну из секунд все с ужасом увидели, что на доске стало появляться нечто вроде математических формул...

– Да что там древние греки! – крикнул вдруг Магический Поцнок, ревниво сверля глазами Петрович-сана, давшего крен в науку, и снова возвращая всех на землю из инженерного мира в мир искусств. – Древняя Эллада не знала всей полноты современных ощущений! Всех чувственных оттенков нашей технократической и урбанистической эпохи!

– Объяснись, – потребовал народ. – Весь день ты сегодня твердишь о каких-то эпохах.

– Объясняюсь. Взять хотя бы такой случай. Шел я как-то перед гастролями, вечером, мимо станции метро «Засранская подстава» («Крестьянская застава»). Вижу – идет милицейский патруль, но патруль необычный – мент, а с ним потрясающей красоты девушка в милицейской форме, стало быть, выходит, тоже милиционерша, с длинными волосами, длинными ногами и... с дубинкой.

– Ну, ну, – оживало собрание.

– Не знаю, что на меня нашло. Но так мне захотелось, братцы, подойти к девушке и ляпнуть что-нибудь такое... чтобы она меня этой своей дубинкой

по спине перетянула! Я даже фразу пообиднее приготовил, чтоб наверняка. Мол, в каких внутренних органах вы с этой дубинкой работаете? Главным было бы успеть спину подставить. Ощущение, я вам скажу... Что там древние греки с их козами! Примитив!

– Ну, и что – ты?

– А что я? – поник Магический Поцюк. – Она ведь была не одна, моя избранница. У этого ее мента тоже была дубинка, и конечно же, как истинный джентльмен, меня бы по спине перетянул он, а я – не гомосек.

– Сложное ощущение, – одобрительно сказал кто-то.

– Может быть, коза и примитив, – уязвленно заявил Петрович-сан, усевшись на место у колонны и в очередной раз прикладываясь к «глубинной бомбе». – Может, оно дубинкой по хребту и более утонченно, ибо более соответствует модернистской эпохе и якобы более прогрессивно. И дело даже не в том, что у тебя, Поцюк, только халява на уме. Дубинка – это что-то тоталитарное, это агрессивно и холодно. А вот коза – это что-то теплое, живое, натуральное. Да, Светик? – и тут черт дернул Петрович-сана обратиться за поддержкой к Свете Деревягиной.

– Что-о? – рывкнула Света, еще плохо воспринимающая предметно-образные связи. – Это ты на кого намекаешь? А? Сам козел! Эллин херов!

Общество вяло засмеялось, закричало одобрительно.

– Что вы всё спорите? – лениво сказал вдруг некто по фамилии Бабун, как бы только что проснувшись. – Козы, дубинки какие-то странные... А вот я, например, по своей ориентации – обычный гетеросексуал.

– Что-о? – взревела тут, подобно Свете, мужская половина собрания. – А мы? А мы, мама родная, кто?

Но уже подруга Бабуна, то ли еще не отошедшая от вчерашнего, то ли уже переусердствовав с новым алкоголем, отвешивала ему оплеуху, истерично говоря:

– Это тебе за гетеру! Сам гомосек! Хрен теперь чего получишь!

Опять все закричало в смехе, захрюкали в бокалы.

Казалось, всё было на месте – и нередкое тут всеобщее недомогание, и жизнь на людях, и выяснение отношений, и прочее, и прочее. Но в минуту любого затишья опять и опять, накатывая с прежней силой, не отпуская, возникало какое-то тягостное чувство, связанное, конечно, с похмельем, но возрастающее уже от телесного недуга до какой-то метафизической тоски.

– Тошно-о! – вновь завывала Шина. – Скучно-о! Тупи-и-ик какой-то!

– Как это, «скучно»? – испуганно возразила организаторша Оля. – Ребята, вы это... не скучайте! Сегодня вечером банкет, заказанный мэром, завтра банкет в нашу честь от хозяина отеля месье Клебера, а послезавтра день рождения шеф-повара месье Кенталья и, естественно, вечеринка по этому поводу.

– О-ох! – завывали все. – Да провались оно всё! Опять! Опять то же самое! Банкетов мы, что ли, не видели?

– Саш, ну, хоть ты им скажи! – взмолилась Оля, обращаясь к Решетникову.

– Да, Решетников, скажи свое мнение, – раздались голоса. – Почему такое чувство неприятное? Раньше такого не было.

Как и в случае с банкетным приветственным словом, Решетникову предлагали сейчас высказаться публично, как на официальном собрании, а окружающие обязались его выслушать. До наступления компьютерной эры, уже топтавшейся на пороге, граждане свободной России еще сохраняли советскую привычку к произнесению речей перед собравшимися как единственно возможную форму публичного изложения своей мысли.

– Я думаю, что эта тягомотина не только от похмелья, – говорил Саша, встав на виду у всех у колонны, спиной к которой он прежде сидел. – И даже не от ужаса, что мы потратили столь ценный свободный день на дырку от бублика, на созерцание белой кафельной чаши и на пускание слюны в подушку....

– Неплохо сказано, – невпопад, еще до завершения Решетниковым своей мысли, одобрил Бабун, проявив на этот раз не заторможенность, а непонятную поспешность. – А что это значит?

– Да заткните этого Бабуна! – зашипели повсеместно. – Бабун, кочумай! Продолжай, Саш.

– Когда теряешь или впустую тратишь то, чем ты сам волен распоряжаться, это обидно, но не критично. Не знаю, как вы, но мне особенно муторно от ощущения, что эти дни были даны мне не случайно, не как подарок судьбы (типа, наслаждайся, велкам), а именно как некое ее милосердие – мол, у тебя имеются нерешенные и даже не решаемые проблемы, так вот тебе шанс и бонус, чтоб эти проблемы решить. Это – такой выигрыш в лотерею, который мы не просто прогуляли, а даже не пришли его получать. А что «прогуляли» и нажили головную боль, то – отдельно.

– Хорошо сказал! – крикнул Бабун, которого на сей раз уже никто не стал останавливать.

– Тонко отрефлексовал наши ощущения! – крикнул Петрович-сан, отпивая еще вина из «глубинной бомбы». – Однако что-то нужно делать! Нужно делать что-то!

Саша скосил глаза на Аню, но ожидаемо увидел, что она никак не отреагировала на его слова, ни согласием, ни отрицанием.

– Да, да, да, – зачастила Света Деревягина. – Это свинство, это обидно! Пока мы свободны, хочется чего-нибудь такого... необычного.

– Время идет! – крикнула Шина. – Возможности уходят!

– Нужно забыть этот день, как страшный сон и начать жизнь в раю с нуля!

– Лидер нужен! – крикнул еще кто-то. – Нужен Моисей, который поведет нас к сияющим вершинам!

Толпа зашумела, пришла в движение. Все сгрудились еще теснее у камина, невольно выражая нечто бессознательное. И хотя история человечества проходила тут перед глазами семимильными шагами, похоже, впервые в истории из двух вечных русских вопросов «кто виноват?» и «что делать?» – обсуждался исключительно второй, по недвусмысленной очевидности ответа на первый. Впрочем, как и на самом раннем этапе человеческой истории, апология райских ожиданий быстро начала сдавать свои позиции, рассыпаясь на частности чьих-то амбиций и претензий. Когда сошлись на том, что «нужен лидер, Моисей нужен», в воздухе запахло чем-то вроде избирательной кампа-

нии. Первой со своей программой выступила, разумеется, активистка Оля Бойко.

Она вышла к камину и стала на фоне огня.

– Бойко, стань в сторону, а то на фоне огня ты как-то... Не по-райски.

– Люди, соплеменники по раю, друзья мои! – сделав пару шагов в сторону, начала Оля.

– Братья и сестры! – передразнил ее сразу Петрович-сан, намекая на фразу еще одного персонажа истории и желая тем самым показать амбициозность Олиных притязаний на власть.

– Друзья мои, и даже примкнувший к ним Петрович-сан! – немного смутившись, парировала Оля, однако давая понять, что на исторические аналогии в полемике способна и она. – Все мы видим – что-то сразу не заладилось! – как всякий кандидат, Оля начала свое обращение с беспроегранных алармистских мотивов, хотя после «рефлексий» Решетникова ее прием выглядел уже не так свежо. – Первая же пьянка так измотала и размежевала нас, что... Что все вы до сих пор это чувствуете!

Это была первая серьезная ошибка кандидата Оли Бойко.

– Что значит, «вы»? – раздался голоса, возмущенные тем, что новоиспеченный кандидат в лидеры уже гнушается отождествлять себя с народом. – А ты что, Бойко, сама не болеешь? Что, фестал с алказельтцером помогли?

– Нет, нет. Выслушайте меня. Конечно же, я, как и все, еще болею! Так сказать, с бодуна! – испуганно стала вновь примазываться к народу популистка Оля. – Но я хочу высказать некоторые мысли по поводу действий нового лидера. Прежде всего, нам нужны высокий уровень организованности и строгий порядок.

– Может, еще Толстоедова бандеролью выпишем? Или пусть на парашюте сбросят? – насторожились избиратели.

– При чем здесь старые формы? – заволновалась Оля. – Лидер не должен быть погонялой и надсмотрщиком, но организатором. Нужен человек, устраивающий всех, слуга ца... то есть, я хочу сказать, отец солдатам! – вырвалось совершенно некстати у Оли.

– Всё хуже и хуже! – восхищенно констатировал Петрович-сан. – Ладно, продолжай, Бойко. Посмотрим, что ты нам еще выдашь.

– Прекратите меня перебивать, черт возьми! Так нельзя! – занервничала Оля уже не на шутку, чувствуя, что жезл Моисея ускользает из ее рук. – Моя мысль состоит в следующем! Обилие выпивки и еды не позволяет считать нам этот вид досуга безопасным (гибко меняя тактику, Оля сейчас старалась не педалировать свою роль в информационной организации банкетов), поэтому нам нужен строгий лидер, которому все подчинялись бы беспрекословно. Поймите, я не призываю к отжившим архаичным формам правления, но и демократия в раю недопустима. Каждый будет тянуть одеяло на себя, начнутся дразги и всплески эмоций у людей, считающих себя никому ничем не обязанными. Поэтому я считаю, что только моя кандидатура будет гарантией спасения от раскола, выхода из нынешнего кризиса и залогом э-э... хорошо проведенного времени...

– Конкретней! – крикнули из толпы. – Залогом чего?

– Ну, там, эм-м... каких-нибудь конкурсов, интересных игр, музыкальных вечеринок... – неожиданно дала слабину Оля.

– Свободу на цацки не меняем! – патетически воскликнул Петрович-сан, более других заинтересованный в сохранении прежнего «вида досуга».

– А иначе какой смысл в лидере? – воскликнула Оля. – Если лидеру не подчиняться, а...

– А почему именно ты? – недоуменно спросил Петрович-сан, наряду с прочими путешественниками приученный опытом рынков и одежных маркетов не покупать первую попавшуюся вещь. – Что это за Моисей такой, блин, в юбке? Абсурд! У нас что, для этого мужиков своих мало, с большими, так сказать, рейтингами? Мы не хотим лоббирования женских интересов в раю, – вдруг понесло его прочь из стихии родной речи.

– У нашего замечательного поэта Евгения Евтушенко есть такие строки... – Оля замерла на секунду и, очевидно, выкладывая на стол свой последний козырь, выдохнула возбужденно:

– «И если на свете есть все-таки бог, бог – это женщина, а не мужчина»!

– Что-о?! – взревела тут мужская часть избирателей. – Что-о? Повтори, что ты сказала! Женщина? Какая еще такая женщина? Классик сказал, что женщина должна лежать тихо! Долой! Импичмент!

И пропала казачка. Олю освистали, издеваясь всяк на свой манер. Ее не спасло даже знание французского («Будешь переводчицей у нашего атамана!»). Из всего плохого, что можно было процитировать у Евтушенко, Оля на свою голову выбрала, как оказалось, худшее.

– Петрович-сана в Моисеи! – крикнула неожиданно для Петрович-сана Света Деревягина, отчего-то вдруг впервые испытывающая неловкость за бездушное отношение к своему почитателю. Пытаясь шуткой прикрыть свой слишком явный порыв, она добавила – Только пусть за «козу» извинится и рейтинг свой обнародует!

Петрович-сан с грустной благодарностью, едва ли не с намернувшейся слезой, посмотрел на Свету, но райская чернь была иного мнения.

– И-и! – изумленно втянула в себя воздух толпа. – Петрович-сана? Да он нам весь рай прокурит! Петрович-сана! Да он раздолбай, пох...ист! Он и сейчас, гляньте-ка, винище дожирает из «глубинной бомбы»! Тебе что, брют шампань не хорош? Ответь перед публикой.

– Не люблю я эти новшества, – умильно глядя на Свету, отвечал Петрович-сан рассеянно. – Мы это... по-нашему, по-посконному! Что это за мочегонное – брют шампань? Похмелье должно быть похмельным!

– Магического Поцюка! – вдруг крикнул кто-то, с явной потугой на шутку.

– Ну-у-у! – общество обиженно выдохнуло. – Поцюка! Нашли тоже добро! Да какой из него, в катманду, Моисей? Он халявщик! Он даже девушке-милиционерше за дубинку не заплатил, хотел удовольствие получить бесплатно! Что из того, что у него чутьё? Он дальше винного погреба нас не поведет! Нам Моисей нужен, а не халявщик! В общем, так, Магический Поцюк – это гражданская война!

Решетников снова исподтишка глянул на Аню – она смеялась вместе со всеми, стыдливо опуская глаза на самых забористых выражениях, и не более.

По мере того, как идея избрания лидера набирала обороты, многие стали поглядывать на Решетникова. Погружение в тему придало ей значимости. Поначалу сама мысль отдать свою волю в конкретные чужие руки не показалась обществу серьезной, поэтому общество с удовольствием наблюдало за потугами кандидатов и их перепалкой. Но наконец до публики проблема дошла во всей полноте и актуальности. Сейчас уже казалось, что все предыдущие мизансцены были лишь прелюдией к рассмотрению кандидатуры Решетникова.

– Решетникова! – вдруг в один голос вскричали несколько. – Решетникова, братцы, Решетникова!

– Ура-а-а! – зашлась толпа в восторге. – Вот кто нам нужен, вот кто у нас сегодня не отвертится! Никаких самоотводов не принимать! Дашь Моисея!

– Ну, друзья... Что касается Моисея, то тут у меня накладка с анкетой вышла, – пробормотал Решетников, польщенный мнением товарищей, но еще не решивший, принимать ли ему предложение, либо этот геморрой ему даром не нужен. – Не прохожу я по пятому пункту. Русский я.

– Черт с тобой, будешь у нас русский Моисей. Люди, все согласны? – нетерпеливо говорили из толпы.

– Все! Все! – зашумел народ. – И на всё! Какой разговор!

Решетников, поскольку это была секунда его триумфа, еще раз посмотрел на Аню. Она улыбалась, кивала, говорила что-то друзьям, но радость ее была связана с общественным успехом, с тем, что ее сообществу удалось найти удачный выход из некоей угрожающей ситуации. Личный же успех Решетникова ее, судя по ее виду, не касался.

– Излагай свою программу! – потребовало собрание.

Решетников отхлебнул золотого совиныона из бокала, поставил бокал на пол и вышел на этот раз уже посреди собрания.

– Друзья мои! По своим политическим убеждениям я демократ (мы сегодня все демократы, даже Толстоедов), но для начала кое-что напомним. Как бы ни старались политики нашего века, все общественные устройства, от семьи до государств, сводятся, если грубо, всего к двум вариантам – демократии и тоталитаризму. В первом случае во главе угла стоят свобода и права человека, во втором – интересы государства, каковые личные интересы человека, сволочь, щемит. На построение демократического общества уходят столетия, жизни героев и желание людей самим за себя отвечать. В варианте номер два всё проще – в диктатуры и деспотии быстро превращаются, то есть, воплощаются, все незрелые идеи построения рая на земле, все мечты романтиков и певцов свободы о легкости бытия и халявном счастье.

Между тем не секрет, что на короткие периоды времени самыми жизнеспособными и успешными становятся сообщества именно тоталитарные. Те, которые ограничивают вашу волю, свободу, думают и решают за вас, но всю энергию собирают для выполнения одной общей задачи.

– Я тоже была за «сильную руку»! – воскликнула Оля. – Но старалась не выпячивать это! А ты, как всякий бывший демократ, желающий стать диктатором, крадешь идеи у предшественников!

– Побеждает не тот, кто прав, а тот, кто нравится! – парировал Решетников под восторженное одобрение собравшихся (и даже Аня иронически

улыбнулась). – Однако нет, ни о каком моем личном лидерстве, и даже руководстве, в моей программе речи не идет. Я хочу лишь предложить новый принцип нашей жизни в эти дни, а решать всё вы будете сами.

– Так ты предлагаешь демократию? – крикнули из зала. – Тогда что за речь об успешности диктатуры?

– Нет, на демократию у нас нет ни времени, ни умения отвечать за самих себя! – рассмеялся Саша. – Но я также противник и тоталитарного нашего житья-бытья, потому что тоталитаризм – это самая извращенная пародия, самая злая карикатура на одно известное всем нам иерархическое сообщество. Только в земном варианте в этой карикатуре на вершине сидит диктатор, и поэтому ничего хорошего из этой затеи по определению выйти не может – все бла-бла-бла о постройке рая на земле кончаются одинаково.

На этих словах Петрович-сан обвел собрание поднятым указательным пальцем и многозначительно сказал:

– Понимать надо, о чем речь!

– Но мне видится, – продолжал Саша, – что мы можем построить некое идеальное общество, некое подобие рая на земле, очищенное по самое немогу от всех пороков тоталитаризма, убрать все его стартовые стимулы и мотивы, сделать прививку от любых потуг роста – таким же огромным шприцем, как в «Кавказской пленнице».

– Кому – прививку? – занервничал Бабун.

– Тоталитаризму.

– А-а... А то я подумал, что нам.

Общество затряслось в смехе («Ты совсем тупой?») – повернулась к Бабуну его подруга), а Решетников продолжал.

– В принципе, любой из нашего театрального сообщества уже живет в казарменной, принудительной системе. Не мне вам объяснять, что такое работа на пределе сил, постоянные ограничения и самоконтроль. Что такое жесткая диета и усиленные физические нагрузки после выхода из формы. Но все эти ограничения – не ваш выбор. Они для вас вынужденные, внешние, навязанные чужой волей. А я предлагаю ограничения наши собственные, которые мы придумаем себе сами. При этом мы не будем повторять тупые старые запреты, скажем, «нельзя пить алкоголь!» или «нельзя калорийную пищу!» Я предлагаю более хитрый ход – изменять саму нашу реальность, изымая из нее какую-то одну из ее граней, отсутствие которой будет замещаться другими оставшимися, и тогда вся прежняя картина представится нам в другом, новом, неожиданном свете. Это будет своего рода редактирование наших стереотипов поведения и реакций. Мы получили в подарок этот земной рай, но давайте не просто используем его, а еще и раскроем его возможности на всю катушку.

– Не все понятно, поясни! – крикнули из зала.

– Я не буду вас обманывать. Я предлагаю общество с жесткими правилами. Демократию нам не построить, ибо нельзя родить ребенка за неделю, но от тоталитарной модели мы возьмем только самое эффективное.

В отпущенные нам дни мы построим самое близкое подобие рая на земле – утопию, которую на протяжении всей истории пытались рисовать в своих мечтах философы, где вместо диктата государства или тирана – всеобщее,

всеохватывающее, с самых низов до самых вершин идущее соответствие одной идее. Идее, не ловко выигравшей в спорах и битвах, а принимаемой каждым в силу понимания ее безусловной правоты. Это нельзя назвать тоталитаризмом, но лишь системой, в механизме которого не может быть поломок и сбоев по определению, иначе она в тот же момент перестаёт иметь смысл. У нас также всё будет подчинено одной, и, подчеркиваю, благой, идее – провести отпущенное нам время наилучшим образом для всех и каждого, вытянуть максимум пользы и удовольствия из ситуации, не рискуя артистической формой, здоровьем и личной репутацией!

– А от нас что требуется?

– Представьте, только выбирать. То выбрать удовольствие или это. И если вы принимаете мой проект, то думать за вас и предлагать земные радости вам на выбор – будет моим приоритетом. При этом есть условие. Выбор и согласие с моей программой сейчас должны быть единогласными. Хоть один протест – и мы даже не начинаем. Это как подписание контракта – сначала подпишем и с трудностями будем разбираться в процессе. Но мы не можем начинать с разногласий. В раю, даже земном, не может быть несогласных.

Говоря это, Саша не беспокоился о стройности и убедительности своих доводов. Хотя в некоторых обертонах его мелодии чуткому уху и могло слышаться нечто настораживающее, но Решетников, мерзавец, конечно, лукавил. Есть люди, которые на физиологическом уровне не приемлют несвободы, но большинство из тех, кто ежедневно нас окружает, не столько боятся плетки, сколько перспективы находиться вне коллектива. Иными словами, Саша знал, что решение коллектива будет единогласным, даже если некоторые из свободолюбцев затаили внутренний протест.

– Не круто ли? – из последних сил засомневался один из таких свободолюбцев. – Купим кота в мешке и опять променяем шило на мыло. И там нас ограничивали и унижали, и здесь будут... Да и напоминает это...

Но Саша успокаивал:

– В нашей утопии, как в роботехнике, действует принцип – система ни одному человеку не может нанести не то что ущерба, но и доставить простой неприятности. Это лишь игра, и тем она застрахована от всех издержек. Если кто-то передумает уже в процессе, он просто выбывает из игры, отселяется в соседний корпус, и живет, кормится и развлекается отдельно. Ведет самостоятельное существование по собственному усмотрению. Вход в нашу систему, в наши «сады наслаждений» только добровольный. Все нарушители наших правил будут, так сказать, в игровой форме «репрессированы», но ни при каком раскладе не унижены, и двери в наш земной рай им будут снова распахнуты после отбытия наказания. Если вы не согласны с чем-то уже в процессе – воля ваша, рвите контракт, присоединяйтесь к тем, кто не участвует. Но сейчас нужно единогласное решение.

Итак, друзья, давайте в качестве эксперимента, пока общего терпения хватит, не вполне, может быть, серьезно, с изрядной долей иронии к происходящему, попробуем – установим правила новой жизни, нашей собственной, без всяких Толстоедовых. Установим также и всеобщую, равную для всех, ответственность перед этим высоким собранием, где я тоже буду не более, чем «первым среди равных».

– Конечно, тебе нужны будут помощники, – скромно нашлась Оля Бойко.

– И поймите главное. Любые ограничения в обычных обстоятельствах неприятны тем, что безусловно отбирают у нас часть удовольствий и радостей жизни. Однако на фоне здешних волшебных предпочтений это правило не работает. Напротив, добровольно отказавшись от одной из старых «граней», мы будем больше ценить другие – премиумная еда будет еще элитней, вина откроют свой более глубокий вкус, заплывы на дельфинах и езда на лошадях подарят гораздо больше эмоций; времени не будет хватать, но даже отказ от лишнего часа сна подарит вам фантастическую возможность иметь любую информацию из интернета.

– Что такое интернет? – заволновалась публика.

– Это долго объяснять. Вы играете дома в компьютерные игры?

– Да, многие из молодежи в зал ходят, – ответила за всех Оля, – и приставки у многих, даже иногородних, в общежитии имеются (сама Оля уже год как была знакома с западным сегментом сети).

– Так вот, интернет – это в тысячу раз круче. Говорят, он меняет человека на антропологическом уровне. Человек становится особой формой сапиенса, «в прямом эфире» связанного со всем миром и получающего информацию о событиях, только что произошедших.

Впрочем, столь абстрактные материи присутствующих интересовали мало.

– Что ты собираешься предложить на остаток сегодняшнего дня? – спросила Оля, в руках у которой уже нарисовались бумажный блокнот и ручка.

– Да, да, озвучь, озвучь, – не терпелось народу.

– Первое задание несложное. Поскольку мы уже находимся в исключительном мире, я предлагаю ему еще добавить исключительности. Давайте представим, что в дополнение ко всем чудесам в этом земном раю – отсутствуют всякая грубость и неуважение друг к другу. Предлагаю изъять из нашей реальности все языковые нечистоты – не только мат, но и грубые, и даже жаргонные, слова, прозвища. Просто жить так, будто их и не было. И посмотрим, какими новыми красками заиграет наша реальность. Ну, так что, попробуем?

– А то! – зашумела толпа. – Попробуем! Будет хоть какая-то конкретика! Если ты русский Моисей, то веди нас! Время уходит!

– А что, давайте попробуем! – воскликнула Шина обрадованно. – Хоть что-нибудь будет новенькое!

– Представляете, Петрович-сан – и без мата? – засмеялась Света Деревягина. – Я бы в него сразу влюбилась!

– Если так, то я согласен! – оживился Петрович-сан.

– Больше пока ничего не меняется. Можно жрать алкоголь и объедаться до заворота кишок, но... С сегодняшнего дня будем разговаривать на чистом русском, истинно райском языке!

– Не выдержим! – раздались веселые голоса.

– Кто не выдержит, накажем на общем собрании, на нашем райском форуме! – сказал Решетников. – Нежно и с почтением примем оступившегося вновь в свои ряды, но только после отбытия наказания!

– Итак, приказ по раю номер один! – смеялся вместе со всеми Саша. – С того момента, как смолкнет последний звук этой моей речи, отменяются все

нечистоты в языке! Кто хоть раз блякнет, или даже скажет совсем невинное, типа: «Вот это да, трахать мой лысый череп!» – всё, суд и приговор! Равны в этой игре все, и решение о наказании принимают все! Итак, никакого мата, никаких грубостей и уничижительных обращений, ни даже жаргонных слов, никаких замаскированных форм навроде «хотел я иметь с тобой интимную связь» и прочее! Любое подозрение в сальности и вульгарности – наказуемо! Соблюдаем не букву, но дух чистой и правильной русской речи!

– Согласны! Попробуем! – бурлило общество.

– Нельзя не предвидеть, что первые жертвы появятся сразу, – предупредил Решетников, – но обещаю, что наши гуманные методы наказания заставят их задуматься о дальнейшей лингвистической практике! И этикете!

– Ура! – закричали все. – Даешь чистый русский язык! Благочестивый, как на приеме у английской королевы!

– Время пошло, – сказал Решетников, посмотрев на часы. – Мне, как и всем, тоже будет трудно! Все запреты снимаются только с появлением нашего прежнего руководства. Молитесь о том, чтобы мы подольше разговаривали прилично!

Глава 3. Правила и нормы райского общежития

1.

Банкет, последовавший вслед за принятием решения о новой жизни, поражающе воображение чрезмерностью размаха. Все было в какой-то превосходной, преувеличенной степени – можно было и не так широко, можно было и поскромнее; достало бы и половины имеющегося. «Ты больше, чем просят, даешь».

Действо происходило в Фонтанном зале; фонтан же был таков. Посреди помещения, в беседке из живых роз находилось сооружение из стекла и хрусталя, напоминающее многоярусную вазу, из вершины которой била струя, разбегающаяся и стекающая вкруговую вниз – с уровня на уровень, подобием ступенчатой пирамиды.

Случались в истории наших скитальцев ящики шампанского, доходили слухи и о ваннах. Но фонтана шампанского не видел еще никто из путешественников, ибо это был именно фонтан шампанского, пушкинских «пенных струй», золотых, играющих, набираемых теперь в бокалы без меры.

Кроме цветов и фонтана, зал украшали еще и многочисленные статуи из льда, в человеческий рост, изображающие танцовщиц в жетэ и арабесках. Изумляло то, что труд ледяных скульпторов был рассчитан всего-то на пару часов созерцания, а уж по поводу стола, к фонтану и статуям впридачу, можно было еще раз смело воскликнуть: «Ну, столько-то зачем?»

Сочное мясо крабов розовело в надрезанных панцирях. Устрицы и мидии дышали холодом в половинках собственных раковин, отливающих перламутром. Горы икры, обложенные зеленью и слезящимися дольками лимона, влажно мерцали в металлических судках. В хрустальных же судках томились щупальца осьминогов под гранатовым соусом, а в контраст холоду перламутра и льду статуй – тепло, по-домашнему булькали и дымились всевозможные

жюльены с креветками, грибами, и прочее, и прочее – и не будем больше утомлять читателя описанием блюд, ибо сами мы с читателем, слава Богу, не голодны.

Был объявлен вечер при свечах, свет погас – остались гореть лишь бронзовые канделябры на столах, да фонтан и ледяные статуи были просвечены насквозь, навывлет, контровым светом направленных электрических ламп. Всё это впечатляло – платиновое свечение изнутри ледяных линз и островки живого свечного огня.

Протокольные речи были сказаны, первые бокалы выпиты; вечер завязался. Народ толпился группами, были слышны смех и гулкий стук бокалов край о край, ибо, как известно, дорогой Александр Сергеевич, хрустальные бокалы, наполненные шампанским, не звенят – но образ есть образ, и он превышает бытовую правду, и поэтому скажем – были слышны смех и звон бокалов!

Однако, было в сегодняшних кучкованиях и нечто необычное. Человеку со стороны могло бы показаться, что здесь собрались светские, внешне совершенные и элегантные, но все сплошь – косноязычные люди, сборище неполноценных с каким-то безысходно общим для всех речевым дефектом, сборище, которое нужно немедленно, в полном составе стройными рядами отправлять к логопеду. И что примечательно – прежние удовольствия в виде обилия блюд и вин сегодня каким-то странным образом теряли свою искушающую силу ввиду – смещения, какой-то ассиметрии старых приоритетов и необходимости учитывать особенности новой атмосферы.

– А-а, ч-ч-ч... – говорил кто-нибудь, тут же с испугом закрывая рот ладонью. – Вот, бл-л... э-э... чуть было не... это... Короче, одним словом, эм-м... хорошо!

В такой же манере вели свои речи и прочие «русскоязычные». Даже люди, прежде не злоупотреблявшие жаргонными словами, оказались, к своему изумлению, в положении того индуса, которому было запрещено думать о белой обезьяне – речь повсеместно оказалась парализованной, «белая обезьяна» речевых нечистот поглотила сознание.

Хуже всех было Петрович-сану. Отчаявшись в этот вечер сказать что-либо связное, он угрюмо рвал руками клешни краба и злобно курил, скривившись лицом.

– Как настроение, Петрович-сан? – спросили у него.

Петрович-сан безмолствовал.

– Петрович-сан, как настроение? – спросили еще раз.

– Сидю та пердю! – вдруг свирепо прорычал страдалец с каким-то отчаяньем в голосе и почему-то с украинским оттенком.

– Нельзя! – зашикали на него. – Нельзя, Петрович-сан! Мораторий!

А между тем фраза, которую выкопал этот угрюмый немой из дальних уголков своего сознания, была не чем иным, как «*cest du temps perdu*» – сожалением о напрасно потраченном времени, пусть и плохо выраженным по-французски. Иными словами, Петрович-сан высказался о банкете неодобрительно.

Неожиданно к столу, где попивал виски Решетников, подошла Оля Бойко с принтерной распечаткой на машинописных страницах.

– Вот, Саш, я принесла, что ты просил. – Оля говорила это тоном секретарши, сознающей свою добросовестность и качество сделанной работы.

Незадолго до начала банкета Оля заходила в сеть из компьютерного зала «Парадиза», скачала для Решетникова информацию по известным лавинным катастрофам, сделала перевод и распечатку. Саша, приблизившись к одному из канделябров со свечами, стал просматривать текст, произнося некоторые фрагменты вслух:

– «Общие характеристики лавины – непредсказуемость... внезапное потрескивание, переходящее в шипение... шелестящий шум... отделяется участок снежного склона...» Так. «Австрийские Альпы, Гоппенштейн... во время схода лавины многие туристы погибли прямо в отеле... Убийцей... не сама лавина, а воздушная волна, идущая впереди снежного вала...» Так. «Воздушная волна вызывает внезапный перепад атмосферного давления, приводящий к мгновенной потере сознания, а иногда к разрыву легких...» Ну, слава Богу, у нас все живы! – облегченно рассмеялся Саша. – Как-то мы этот этап проскочили, спали, как уже убитые! Дальше. «В Дарьяле за десять минут... плотина из снега, камня и льда длиной три километра и высотой сто метров... вода Терека стала быстро заполнять возникшую чашу, образовалось озеро... через семь часов плотину прорвало... массы воды, льда и снега снесли с лица земли несколько селений...» Так, теперь 13 апреля 1997 года, уже рядом. «На Транскавказскую магистраль за сутки сошло пять снежных лавин». Пять! Ага, вот и мы, наконец. «Родез... – глаза Решетникова сверкнули веселым огнем. – ...Сход лавины в предгорье и примыкающее ущелье с участком горной дороги... в безлюдном месте... без селевых потоков и камней... Сведений об ущербе и пострадавших нет, в национальную службу экстренной помощи «112» обращений нет... техника для расчистки выслана...» Вот, ч-ч... то есть, вот незадача! – едва не вскричал Саша. – Техника уже выслана! Ладно – селевые потоки, но камни очень бы нам не помешали! Спасибо, Оля, – улыбнулся он секретарше. – Теперь, пожалуйста, следи за сообщениями о процессе и планируемой дате, когда трактора сделают свое гнусное дело. Теоретически я мог бы подключить Петрович-сана, чтобы он по количеству техники и параметрам завала рассчитал наши перспективы, но мне кажется, что французы быстрее объявят дату сами.

– Саша, у меня есть предложение к тебе... – Оля неожиданно опустила глаза.

Решетников окинул ее взглядом с ног до головы, все понял, но сделал вид, что нет.

– Что? Какое предложение?

– Да вот, видишь ли... – замялась она. – Послушай, может быть, нам вместе как-нибудь э-э... прогуляться по... интернету?

– Да, – улыбнулся Саша. – Век, действительно, кончается, новый на подходе. Как-нибудь ты пригодишь мне свежую информацию на ужин, и мы прогуляемся по островам Тихого океана.

– Смейся, смейся, – вздохнула Оля. – Прости, что завожу разговор, но... Я знаю, что у вас с Аней какие-то трения, я видела, как она танцевала... м-м-м... хочу сказать, что если надумаешь...

Саша пропустил мимо ушей и ее прозорливость, и ее предложение, и взял Олю за руку

– Слушай, у меня один бестактный вопрос к тебе.

– Да, давай.

– Оля, у нас с тобой, извини, что-нибудь было?

– А ты сам не помнишь?

– Что я должен помнить? Если спрашиваю, значит, не помню!

Саша извлек из своей памяти старый сюжет, когда на одном из переездов автобус по дороге завез коллектив в торговый ангар и труппа на полчаса разошлась. Артисты были на пределе усталости, но у техников пошли уже третьи сутки бессонницы – момент, когда явь путается не со сном, а с галлюцинациями, поскольку уснуть к этому времени невозможно от перевозбуждения.

Саше необходимо было купить себе что-то из одежды (он нерасчетливо отправил часть своего гардероба со сценическим грузом в другой город), и теперь, как зомби, в сомнении стоял у зеркала, приложив к себе новые выбранные шорты.

– Оля! – остановил он проходящую мимо соплеменницу, – Я вот, типа, сомневаюсь. Скажи, могли бы меня девушки полюбить в этих штанах?

– Да я тебя и без этих штанов бы полюбила! – энергично ответствовала Оля.

Приехав глубокой ночью в новый город, Саша зашел в одиночный Олин номер со своим и Олиным чемоданами.

– Не знаю, что на тебя подействовало так благотворно, – съязвила теперь Оля, – но ты прямо с порога отставил чемоданы в сторону, лег на мою кровать и уснул! А через несколько часов мы уже опаздывали на новый переезд.

– А я думал, мне это приснилось. А ты где спала, рядом?

– Конечно, в твоих объятиях, не на полу же.

– Я в том смысле, что причинил тебе неудобства.

– Да лучше б причинил, – снова съязвила Оля.

В то время, когда соратники делились воспоминаниями, к банкетному столу неожиданно подошел Магический Поцюк, который, худого слова не говоря, принялся молча и молниеносно поглощать крабов, канapé и салат с креветками и мидиями – всё то, с чем он только что разделался на предыдущем столе, и за что теперь с неиссякаемой энергией принялся на этом.

– Ну, всё! – в отчаянье воскликнула Оля. – Всё! Пропал Калабуховский дом! Пропал стол! Ты, Поцюк, хоть бы что-нибудь сказал для приличия! Неудобно все-таки, вроде как с людьми общаешься, находишься в коллективе! – забыв о своих личных проблемах, Оля принялась «организовывать» Поцюка.

– Еще чего! – отвечив хмельной Поцюк, пережевывая халяву. – Ляп... это... Скажешь еще чего-нибудь ненароком, а потом не оберешься такого го...

– Что, «го»? – пытливно насторожилась Оля.

– Голову на свою неприятностей не оберешься! – ловко выкрутился скользкий Поцюк.

Тогда Решетников, поблагодарив Олю и прихватив свой стакан с клацающим в жидкости льдом, снялся с места и направился к Анину столу. В длинном бархатном вишневом платье до пят и с распущенными по плечам

волосами, в мягком дрожащем пламени свечей Аня была опять лучше себя прежней.

Чем пристальней Решетников всматривался в нее, тем больше его поражала одна, самая яркая, ее особенность, а именно – какая-то волнующая, притягивающая как магнит, изменчивость, нефиксированность образа, его постоянная неуловимость, заставляющая возвращаться к этим чертам лица, линиям и движениям еще и еще. Есть девушки, которые, как наука, однозначны, а Аня, как искусство, была многомерна, с тысячью оттенков и смыслов. Волнистые волосы, спадающие с открытого лба и касающиеся щек, она отводила тонкой ладонью за уши – в этом движении было что-то трогательно-беззащитное, будто она открывалась Решетникову, доверяясь ему. Но вот, словно свет падал иначе – она сгребала волосы в копну, за затылок, встряхивала головой, и этот волевой жест означал абсолютную независимость, был не менее хорош, нравился Решетникову – хотя это была уже совсем другая Аня. Появление Решетникова она встретила невозмутимым взглядом.

– Какие планы у тебя на послезавтра? – нашелся Саша.

– Почему ты спрашиваешь о послезавтра? – удивилась она.

– Я начинаю издалека, с обратного, на тот случай, если бы ты вдруг вздумала отказать мне сегодня.

– Сократим путь, – улыбнулась Аня. – Я и сегодня занята.

– И была бы занята завтра?

– Да.

– Какое счастье, что я тебя хоть сейчас вижу! – усмехнулся Саша. – Может быть, пойдем потанцуем? Вот, «Angel in my Heart» играет.

– Ты не умеешь танцевать

– Каждый из нас умеет что-то лучше другого. Пробую, что могу.

– Хорошо, мы можем потанцевать, но, скажи, разве тебя это устроит? Разве ты не достоин большего, лучшего танца? – съязвила Аня.

– Да, ты держишь слово, – одобрительно сказал Решетников. – Как и обещала, всё это несогласие у тебя оттого, что появилось время.

Он пожелал приятного вечера и направился в сторону небольшой кучки людей, обступивших Петрович-сана и Магического Поцюка. Оба были уже на взводе. Всё бы ничего, но в их разборке была та же специфическая новизна сегодняшнего вечера. Люди, окружавшие двух агрессоров, с улыбками от уха до уха внимательно всматривались и вслушивались в каждую деталь этой мизансцены, то и дело с судейской добросовестностью поправляя оппонентов.

– Ты, халяв..! – ревел Петрович-сан, подступая к Поцюку, видимо, сумевшему добраться и до его стола.

– Нельзя! Нельзя! – перебивало общество, разводя враждующие стороны.

– Ты у меня щас отхватишь пи...

– И-и! Нельзя! – заходились все. – Накажем! На кухню пойдешь!

– Иди ты..! – надрывался Петрович-сан.

– Что? Куда? – въедливо допытывались товарищи. – Конкретизируй или дезавуируй свое высказывание! «Иди ты...» куда?

– Мг-м-м... ну, это... Иди ты... э-э-э... Эдиты Пьехи давно не слушал! – безнадежно, хрипло выкрикнул Петрович-сан, страдая в последней степени.

– Не надо юлить, какой еще Эдиты Пьехи? Кто из нас ее хоть раз слушал?

Петрович-сан плюнул в бессилии и, развернувшись, ушел с банкета без всякого сожаления, видимо, материться в одиночестве.

Но вот что примечательно – жители «Парадиза», сосредоточившись на выполнении первого задания, сегодня не продемонстрировали какого-либо гастрономического перебора и даже особо не напились – алкогольно-желудочные приоритеты не то что бы отошли на второй план, а как-то обломались, не состоялись в ожидаемом виде, не принесли удовольствия. Странным образом оказалось, что стреноживание одного порока тянуло за собой обуздание другого. Отсутствие свободного развязного общения в итоге сделало пьянство и обжорство неполноценными. Это было сродни тому, как Саша с Аней (чтоб далеко не ходить за сравнениями) вчера пили чай – вместо приятных посиделок и захватывающих ожиданий все время косились на телефонный аппарат.

2.

Говорят, времени не существует. Его не существует, как говорил классик, относительно бытия к небытию, или в других метафизических системах и философских определениях, а в «Парадизе» оно шло, и все чувствовали его истечение. Поэтому Решетникову верили и с безусловной покорностью перекладывали на него все свои сомнения и свою волю как на человека, который знает, *как нужно*.

И то. В русской натуре легенда о добром царе живет вовсе не потому, что мы сами добры и романтичны, а потому, что на «царя» всегда проще свалить собственную лень и отсутствие фантазии. Что бы делали обитатели «Парадиза», проснувшись утром, умывшись и сходяв на завтрак? О, спасительные точки размеренности, не оставляющие выбора и сомнений – умывание и завтрак! Дорогая сердцу однозначность! Но день впереди – как чистый лист тетради, куда нужно вписать не диктант, а сочинение. Сходить ли прогуляться в Сад? Или напиться? Чем было заполнить эти истекающие на глазах неповторимые часы – и заполнить наилучшим образом? Говорят, что нет хуже, чем ждать и догонять. Но для жителей «Парадиза» безусловно худшим было бы принимать решение самим и сомневаться.

А тут, а теперь? Люди, испытывающие прежде лишь беспредельную жажду хотения и не сознающие толком, чего же они хотят, люди, которых после завтрака едва ли не охватывала паника («Лечь поспать еще? А проснуться по темному? И ночь потом не уснуть, ходить по номеру? Куда деваться?») – так вот, эти люди, выходя с завтрака и устремляясь к стенду с объявлениями, видя возбужденные от обилия планов лица окружающих и слыша привычные речи о выборе, часах и участии, не то, что бы успокаивались – нет, лучше! – их начинало приятно лихорадить на общей волне от знакомого состояния – из намеченного и решенного за них успеть как можно больше, ничего не пропустить, никуда не опоздать и не дать себя обойти другим целеустремленным! Какое счастье было толкаться вместе со всеми у отельного стенда, с наслаждением затягиваясь сигаретой и читая спасительное:

«Приказ по раю № 3.

Пункт 1.

Сегодняшний день объявляется Днем борьбы с обыкновенностью.

Все банальные высказывания запрещаются. Любое общение между полами и поступки, не несущие элемента фантазии и романтики, строго запрещаются!

Нижний порог соблюдения сегодняшних правил – вежливое, красивое, доброжелательное общение, что для части наших товарищей тоже по-своему необычно. Скидка на интеллектуальные способности этих товарищей будет сделана при возможном нарушении ими данных правил.

Пункт 2.

Употребление любых алкогольных напитков разрешается только в контексте нестандартных ситуаций – творческого или романтического общения, философских размышлений, ностальгических воспоминаний и пр., или мероприятий, которые безусловно отмечены печатью неординарности и одухотворенности. Употребление алкоголя и табака вне перечисленного интеллектуального контекста запрещается. Запреты прежних двух дней остаются в силе».

Или:

«Распорядок дня на ... декабря

7:00–9:00. Завтрак – по расписанию отеля (выполнено);

9:00. Показательный суд над нарушителями райской дисциплины. Место собрания – бассейн восточного крыла;

10:00. Собрание в Каминном зале, обсуждение текущей повестки, объявления. Внимание! Просьба к населению рая заявлять свое участие в массовых мероприятиях (у О. Бойко) не позже этого времени;

11:00. Танцкласс для танцевальной группы (и всех желающих!). Концертмейстер жив. Репетиция новых номеров только для участников в 11:50 (остальным просьба проявить понимание необходимой секретности);

12:00. Заплыв в термальном озере. Приз победителю – дополнительные два часа компьютерных игр или пользования интернетом после отбоя. Сбор желающих в гроте у восточного крыла;

12:30. Штурм ледяной крепости. Альпенштоки и стропы выдаются в номере 371, термосы с кипятком на кухне, в секции 4. Подтверждайте участие.

13:30–14:30. Обед по расписанию отеля.

14:30. Тест-викторина «Кто умнее, люди или дельфины?» с участием Бабуна В.В. (автор демонстрирует свою новую концепцию о чрезвычайном уме дельфинов в сравнении с людьми). Сбор желающих, соответственно, в дельфинарии;

14:50. Обучение верховой езде. Сбор у манежа, ответственный – месье Клебер (!) Подтверждайте участие.

15:30. Фильм Дзеффирелли «Ромео и Джульетта», в кинозале, с дальнейшим обсуждением и дегустацией новых сортов пива. Компьютерные игры на этот период (15:30–17:30) приостанавливаются.

17:30. Вечер искусств. Чтение новой поэмы о нашей жизни «Конец начала конца», оригинальный танцевальный номер, оратория «Гимн забытому рассолу», выбор «мисс Парадиз четверга», моды и инсталляции, в Саду наслаждений.

19:00. Черепашьи бега, спортивный зал, секция #9 (мини-автодром). Мини-кары также доступны. Бильярд и боулинг соответственно.

20:00. Народные забавы. Новая игра «Райские прятки», сбор и старт от ресепшена. Иметь при себе: девушку, бутылку шампанского, свечку и колокольчик. Подтверждайте участие;

21:00. Приводим себя в порядок.

22:00. В рамках программы «От банкета к банкету» продолжение вчерашней вечеринки по случаю дня рождения шеф-повара месье Кенталя. Форма одежды зимняя, в туристическом стиле (будем находиться на улице);

Далее посиделки, брожения. С 0:30 – мертвая тишина!!!»

Да как можно было не волноваться, не переживать, когда с таким насыщенным графиком голова шла кругом – в чем участвовать и от чего отказаться! Разве можно было так соблазнительно перегружать народ «Парадиза» – не требуя обязательного участия, составлять, тем не менее, такой график, при котором у человека почти не оставалось собственного *свободного* времени? Можно было проигнорировать завтрак, собрание и класс, чтобы понежиться в постели, но какой сумасшедший откажется пропустить суд над нарушителями в девять ноль-ноль? Эти девять ноль-ноль сразу обламывали все планы на размеренный день. Почти все заявленные мероприятия были с «хвостами», хронологически накладывались друг на друга – участник одного события не успевал к началу другого. Издевательством со стороны райской верхушки во главе с Решетниковым было то, что желающие, скажем, участвовать в заплыве, ради обладания престижными двумя часами после отбоя, не могли совместить это со штурмом ледяной крепости. Да и на сам заплыв некоторые жители «Парадиза» не успевали из-за родовых несовершенств человеческой природы – запрещение присутствовать в балетной студии на репетиции готовящихся юмористических номеров разжигало любопытство до такой степени, что желание их подсмотреть превышало даже утрату интриги.

Что было выбрать? Соревнования по плаванию проходили в огромном природном гроте с небольшим термальным озером, теплым и до предела насыщенным пузырьками газа. Казус был в том, что газированная вода имеет гораздо меньшую плотность, и участники соревнования, как ни молотили руками-ногами, как ни воодушевлялись поддержкой публики, но, не сумев проплыть и пяти метров, тихо шли на дно под рев и гогот толпы, раздававшиеся под гулками сводами грота, и принимали брошенный им спасательный круг как знак награды за попытку. Счастливчиком оказался лишь один из артистов, в прошлой жизни имевший прозвище Дуремар.

Но не меньшим искушением было и участие в ледяных играх, где девушки (подстрахованные резиновыми стропами через парашютную перекладину) энергично защищали свою территорию – небольшую платформу на трех высоких ледяных столбах, каковые столбы штурмующим юношам предстояло подрубить альпенштоками с металлическим клювом или растворить кипятком из огромных гостиничных термосов, чтобы платформа рухнула, и девушки плавно спустились на стропах с неба, а это было занятием непростым, ибо подход к столбам имел скользкий отрицательный уклон, а в глаза и рты штурмующих волнами летел колючий снег, подаваемый в лотки вращением барабанов.

Или – как можно было пропустить выступление Бабуна с его недавним открытием о чрезвычайном уме дельфинов, где француз-дрессировщик давал задание Бабуну и дельфину на сложение и вычитание, и дельфин выполнял его лучше Бабуна! Но посетители дельфинария не успевали к началу обучения верховой езде. В свою очередь, любители последней опаздывали к фильму с дегустацией пива. Что касается фильма, то женщины, как правило, всегда составляющие большинство среди приверженцев обучения верховой езде (не говоря уже о любви к жокейскому костюму «амазонка»), видели в этой нестыковке тайные происки мужской половины, желающей отсечь их от участия в просмотре, чтобы сугубо в мужской компании расслабиться с пивом и «воблой» (вяленным угрем и миногой) под прикрытием якобы «творческого» обсуждения. Мужчины же, ровно наоборот – в том, что фильм «Ромео и Джульетта» будет идти с дегустацией пива, усматривали жалкий *заман*, нащептанный Решетникову женщинами – заман их, мужчин, на эту, не имеющую смысла без пива, мелодраму. Ибо, хотя употребление любого алкоголя допускалось лишь в интеллектуальном контексте, схема с питьем пива под прикрытием кинопросмотра представлялась все же непропорционально сложной. И как можно было не участвовать в вечере искусств, где наказанный Магический Поцнок по приговору утреннего суда танцевал женскую партию в «Умирающем лебеде» Сен-Санса, а Петрович-сан, переквалифицировавшийся в манекенщики, демонстрировал новую коллекцию с тематическим уклоном, где безусловным хитом был его «костюм прибытия в рай» – Петрович-сан проводил дефиле в распахнутом халате, с пустым Светиным чемоданом за спиной; без ручек, но на ляжках, и в головном уборе из «глубинной бомбы», у которой было отрезано дно, но торчали кверху пробка и ручка. В зубах он держал огромную, а ля Шерлок Холмс, трубку, из которой валил густой белый дым, как из паровозной трубы (для этого использовался сухой лед с кипятком). Сцена первого прибытия Петрович-сана в «Парадиз» была отражена в его одежде с предельной концептуальностью.

А игра «Райские прятки»? Участники мужской команды в «Саду наслаждений» (по сути, в огромной многоярусной оранжерее) после согласованного отключения всего освещения должны были в течение часа в полной кромешной тьме скрываться в зарослях от девушек-охотниц, которые пытались отыскать их лишь с одной свечой в руке. За этот отпущенный час каждому из «раннинг мэнов» надлежало выпить все содержимое своей бутылки. Засада состояла в том, что к ее горлышку был привязан колокольчик в сетчатой оплетке, который невозможно было зажать рукой. Многих «раннингов» дианы-

охотницы ловили в течение первых десяти минут, устремляясь на звук тут и там звенящих колокольчиков, но единичные «выжившие» в этой игре мужчины срывали джекпот из женского внимания и выполнения любых своих невинных романтических желаний.

И оставалось бедным, разрывающимся от богатства планов жителям рая – ловить, выкраивать свободные минуты для бытовых нужд и личного, общественного, *отдыха*.

А между тем, как это ни покажется странным, жесткий график втайне удовлетворял всех. Одни старались следовать ему неукоснительно, многое успевали и были счастливы. В других просыпалась упрямая русская сущность: «Не желаю участвовать во всей этой вашей ахинее, я – свободный человек, никто мне не указ! Назло вашей стадной организованности напьюсь *сольно!*» Такой человек явно своих эмоций не высказывал, а закрывался в номере, напивался из тайных запасов (ибо скрытность была необходима в силу Приказа № 3) и... тоже чувствовал себя счастливым!

Ибо, чтобы любить до конца свободу, нужно жить в тоталитарном обществе!

5.

Суд же над нарушителями райской дисциплины проходил так.

Судьи, то есть общество почти в полном составе, погрузившись в воду бассейна с плавающими на поверхности многочисленными зелеными и красными шарами для голосования, горячо решало судьбу уличенных в сквернословии или недостойном рая поступке. Сами нарушители, сидящие на скамье у бортика, ждали своей участи, глядя сверху на скользящих в воде длинноногих нимф. Поначалу они пытались было отнекиваться с ленивыми ухмылками и сводить все речи судей к шутке, но общество, к возможному недоумению тех, кто не знаком с психологией толпы, оказалось неумолимо, главным доводом полагая мнение секретарши Решетникова Оли Бойко: «Мы все тут с трудом терпим, чтоб не оступиться, а почему вам – можно? У вас что, льготы какие-нибудь?» и пр. Такой «тоталитаризм» был по сердцу всем сидящим в воде. Отступники, хоть и пытались шутить, но уклониться от процесса не могли уже *по собственной воле*, в противном случае, как мы помним, их ждало бы изгнание из общества и унылое одиночное существование. И таких интровертов не находилось.

Первым рассматривалось дело Бабуна, накануне бежавшего через весь холл в туалет с криком:

– Дорогу, дорогу! Ой, я щас обседамся! Ой, братцы, щас обседамся!

Было очевидно, что на сей раз Бабун опять среагировал на проблему слишком поздно. В бассейне возникла дискуссия, рассматривать ли данное заявление как скрытую непристойность, или же списать всё на состояние аффекта и простить.

Дело оказалось не столь сложным. Количество поднятых вверх красных шаров превысило число белых, но, ввиду того, что агрессии или личной угрозы кому-либо в заявлении Бабуна не наблюдалось, пострадавших не было, а, напротив, отмечалась доброжелательность к окружающим («ой, братцы!»), решено было ограничиться устным выговором и дать три часа занятий на тре-

нажерах условно. Условный срок объяснялся и тем, что на 14:30 было заявлено публичное выступление подсудимого – правда, наказали его с лишением права последнего слова, и по той же причине.

Был наказан и артист, в прошлой жизни имевший кличку Мосол, который, не вынеся тоталитаризма, в присутствии многочисленных свидетелей продекламировал возмутительный стих:

«Спит Розитта и не чует,
Что на ней матрос ночует.
Вот проснется та Розитта
И прогонит паразита!»

Явных непристойностей в стихе не обнаружил никто, но общий дух стихотворения многие, по преимуществу девушки, сочли глумливым. Большинство шаров было красных, а наказание таким – в присутствии публики и специальной комиссии бывшему Мослу присуждалось немедленно выпить бутылку теплого шампанского. Впрочем, присудили – и сразу усомнились в адекватности наказания совершенному преступлению, наказания, отдающего излишней мягкостью, ибо осужденный воспринял приговор с радостной улыбкой, едва ли не как оправдание, и почти моментально выпил, даже вылакал все содержимое бутылки, пуская обильные пузыри через ноздри.

В свете этой совершенной судьями оплошности приговор для следующей группы лиц, а именно троих лиц разного пола, оказался, соответственно, чересчур суровым.

Суть дела состояла в том, что двое юношей, по их убеждению влюбленных в Шину Лоллобриджиду, заявили к ее дверям посреди ночи, в определенном состоянии отсутствия всяких физических и моральных стержней, и принялись выяснять отношения. «Время уходит! – высказали они свое беспокойство и поставили вопрос ребром. – Кого ты из нас, Шина, выбираешь?»

Детали данного дела не рассматривались в силу их личного характера, но и так всем, как это обычно водится в любом коллективе, было известно, что Шина, с минуту подумав и боясь кого-либо из двоих обидеть, скромно опустила глаза и пролепетала: «Обоих. Обоих выбираю. Мальчики, давайте жить втроем!»

– Б...ща! – взвыли оба Ромео не сговариваясь, затопав ногами и пьяно замотав головами от недоумения и обиды.

Учитывая все возможные смягчающие обстоятельства, оба влюбленных были, тем не менее, сурово наказаны за нарушение распорядка дня, мат и шум после отбоя – сначала их на весь световой день отправили на улицу строить ледяные аттракционы для сегодняшних и завтрашних общественных игр, а вечером – помогать в чистке конюшен местному конному персоналу. Сказать точнее – даже не помогать, а убирать стойла самим. Если в какой-нибудь Америке ни один условный конюх (ибо это касается всех профессий) не пустит чужака на свою территорию, воспринимая его предложение помощи как маркер собственной несостоятельности, то в легкой и привольной Франции работники многих сфер с удовольствием поделятся с вами своей работой, а скорее, даже на время отдадут выполнять ее вам. Распутная же Джульетта,

как проявившая особый цинизм и надругательство над чистым духом любви («давайте жить втроем»), по райским меркам получила вообще «вышку» – несмотря на протесты и требования апелляции, она была сначала отправлена в комнату «Blanchissage» стирать и гладить белье двум обманутым соперникам, или, точнее выражаясь, двоим, обманутым в чувстве соперничества (которые, надо отметить, собрали и подбросили ей еще и чужого белья впридачу!). После вечернего же мероприятия Шине предстояло мыть посуду и чистить грили на кухне (точнее, в секции мойки) вместе с персоналом отеля, что упомянутый персонал также воспринял одобрительно.

Следующим пунктом следовал Петрович-сан. Он хотя и не был уличен явно в жаргонных и грубых выражениях, но рассматривался за общую весьма странную стилистику своей речи, так сказать, за подозрение в намерении постоянно выражаться. С введением запрета на всё обценное и жаргонное в его лексиконе вдруг появились ранее не употреблявшиеся им слова, отдающие странной двусмысленностью: «игуанодон», «икебана», «эпистолярый», «Гваделупа», «пердимонкль», «гондольер». Были и другие странности. Так, например, не далее как вчера он, с рассеянным видом прогуливаясь по холлу, ни к селу ни к городу восклицал: «ля писташь!», уверяя, что хочет попросить у портье фисташек. А то вдруг с хитрым видом бормотал про себя тихо, но так, что многие свидетели слышали: «жё па!», «жё па суй!», да еще нагло при этом врал, что пытается построить какую-то французскую фразу (je pas suite...), при тщательной проверке оказавшуюся полной бессмыслицей.

Также на вчерашнем поэтическом конкурсе Петрович-сан продекламировал вирши собственного сочинения, которые формально не содержали каких-либо непристойностей, но в них дуновением мятежного ветерка ощущалось подозрительное двойное дно:

Тарас, ругаясь с братом Сидором,
Назвал его занудным братцем.
За это брат назвал Тараса
Самовлюбленным вольтерьянцем.

Автор не завоевал на конкурсе никаких призов, более того, ему похлопали, но попросили пояснить – о чем, собственно, четверостишие. Объяснение, что здесь поднимается важная тема непростых семейных отношений, оставило у жюри ощущение неполноты и осадок от присутствия чего-то непристойного за кадром.

Петрович-сан долго отпирался на суде.

– Мы заявили построение мечты, утопии, а сами вновь открываем дорогу террору и геноциду! – крикнул он. – Мы дожили до того, что по нынешним меркам даже Бабун может получить срок за одну только фамилию, так как в ней содержится неромантическая основа! А что уж говорить об упоминании французского премьер-министра Жюппе!

– Он над нами издевается! – крикнули из толпы купальщиков. – Вы посмотрите, ему и сейчас неймётся!

В бассейне поднялся шум, волновались судьи, волновалась вода.

– Чего же мы тянем? – изумленно кричали одни. – Приговор нужен!

– Чем дольше будем судить, тем больше непристойностей наслушаемся! – беспокоились другие.

Разумеется, отношение общества к Петрович-сану в обычной ситуации было весьма лояльным, но сейчас людям, с трудом проявляющим личный стоицизм, дали право наказывать тех, кто не проявил той же нечеловеческой силы воли, что они, а Петрович-сан еще и обидно насмеялся над их столь весомым правом.

И тут вдруг Магический Поцюк, перекрывая общий шум и подняв над головой красный шар, крикнул из воды злорадно, во всю глотку:

– В общем, так, предлагаю! В одиночку его, в сауну! На четыре часа! Два – за «жопу», Два – за «фисташки»!

– Что-о? – взревели все, пораженные таким цинизмом. – Что-о? К ответу! Мы никому не позволим так выражаться!

И Магическому Поцюку тут же, не отходя от кассы, вклеили наказание единогласным поднятием из воды красных шаров.

– Партию «Умирающего лебедя» знаешь? – задали ему судьи предварительно риторический вопрос.

– Да нет проблем, – ответил Поцюк. – Могу с закрытыми глазами.

– Тогда еще два часа беговой дорожки с перерывами. А то глаза закрыты, и не видишь, что уже пуз... то есть живот начал расти.

– Иуда, Брут, Азеф! – злорадно говорил теперь Петрович-сан опешившему от судебного доверка оппоненту. – Не рой яму другому!

Петрович-сана же в итоге наказали довольно необычно, с каким-то скрытым, подобно его речам, двойным смыслом – при этом смыслом как бы даже поощрительным. Его на три часа изолировали от общества в сауне (с микро-бассейном, душем и зеркальным меблированным холлом с аппаратурой), но обставили дело так, чтоб сиделец не чувствовал себя ущемленным. Изоляцию Петрович-сана лукаво мотивировали необходимостью его перевоспитания посредством помещения в *неординарную тюремную обстановку*. На этом основании уже через пять минут официант-француз, понимающе улыбаясь, внес в сауну от рассерженного общества поднос с финиками, соленым печеньем и баночным ледяным пивом. Кроме того, наказание нивелировалось тем, что подразумевало «обратный клапан» – Петрович-сан не мог выйти, но вход к нему оставили свободным для тех, кого он сам пожелает принять. Это, собственно, и помогло запоздало увидеть обществу свою ошибку – не Петрович-сан нуждался в обществе, а общество в нем. К сидельцу на тюремное свидание потянулись гости, включая и Свету Деревягину.

– Температуру сауны и воды в бассейне выставь лучше вручную, на «троечку», – говорили Петрович-сану товарищи, – Курево есть? – шептали ему, скольким словом «курево» подчеркивая свою тайную с ним солидарность. – Сочувствуем тебе, ибо три драгоценных часа впустую!

– Воля народа, Сан, – саркастически вздыхал Решетников, – Нет ли здесь с моей стороны какого-либо отступления от нашей дружбы? Ты ведь мое альтер эго, всегда говоришь то, что хотел бы сказать я сам! Если что, мы пойдем по пути коррупции, хотя... Хотя, надо признать, твое наказание больше напоминает триумф и признание! Очевидно, что не тебя изолировали от общества, а общество сдуру изолировалось от тебя!

...Три часа пролетели как один миг. Петрович-сан не успел даже дойти до дверей сауны и поплавать в бассейне.

3.

Очередной банкет, доведись ему пройти в прежней обстановке, мог бы показаться к этому времени лишь разновидностью ужина, но сегодня проходил в необычном формате. Месяе Клебер по просьбе Оли выделил для декорирования пейзажа несколько старых палаток альпийских спасателей, из которых на улице, неподалеку от входа в крыло составили туристическое каре, а в середине соорудили очаг для костра и расставили пластиковые стулья вокруг него. Всё это содержало романтические и ностальгические отсылки в стиле советского ретро к туристическим походам, всяческим песенным фестивалям, студенческим стройотрядам и поездкам «на картошку» – ко всей той ретро-романтике, о которой бóльшая часть присутствующих не имела представления по своей профессиональной принадлежности, и даже не знала по рассказам родителей, поскольку их родители по большей части не имели об этом представления по той же причине.

Позади скамеек стояли столы с едой, под белоснежными скатертями, каждый «натюрморт» освещала галогеновая лампа на треноге, с летящими в лучах легкими искорками снега. В металлических полусферах-грилях на решетках под присмотром поваров шипели – тут куски мяса, там колбаски, на других – морепродукты или овощи. Концертмейстер Костя в свете костра играл на мандолине популярные хиты, и народ дружно ревел песни Цоя и Шевчука. Впрочем, некоторые из присутствующих пытались гнуть не фестивальную походную, а строго эстетскую линию.

– Хочу ананасы в шампанском, – говорила какая-нибудь из девушек своему спутнику, придерживаясь романтического стиля.

– Ананасы в шампанском? – удивлялся тот ее желанию. – Я бы предложил чай с птифурами, воспетыми или упомянутыми в бессмертных произведениях Сартра, Селина и Пастернака. – Такой человек делал уклон в сторону поэтики и классицизма

– Петрович-сану предоставляется слово для нестандартного суждения! – громко сообщила Оля Бойко, когда концертмейстер отложил мандолину и замотал руки в шерстяной шарф.

– В последнее время я часто думаю о соотношении в нашей жизни так называемой «руки судьбы» и нашей собственной воли, – начал Петрович-сан нечто философское, однако навеянное чем угодно, но – с наименьшей вероятностью его утренним опытом узника.

– Сегодняшний фильм «Ромео и Джульетта», который мы все вместе посмотрели после моего выхода из заключения, конечно, прекрасен, – продолжил он, – И романтических слов на его обсуждении было сказано много. Однако почему-то никто не сказал о главном, о том, что многовековыми усилиями почитателей Шекспира в этой трагедии стрелки были переведены с конкретных виновников на некую волю судьбы.

– «Переведены стрелки» – это жаргон! – стали осаживать его товарищи.

– Отнюдь, отнюдь. Стрелки судьбы есть метафора неотвратимого приближения времени чего-то такого... драматичного. Я же не сказал «забить стрелку»!

– Еще б ты сказал! А-а-а – и вот ведь, сказал!

– При любом лингвистическом разборе необходимы сравнения. И употребление сравнительных форм в их точном виде – обязательно, – ответил Петрович-сан. – Вот, я сейчас читаю вам нечто вроде лекции. Но если я приду к вам ночью с кровавым куском мяса в зубах и скажу, что я лектор, то многие девушки испугаются, и я вынужден буду уточнить, что не Ганнибал Лектор, а человек, желающий донести до вас новую информацию. Без сравнений и уточнений мы просто не поймем друг друга.

– А что это за лектор такой, ночью, с куском мяса в зубах? – придирались девушки.

Петрович-сан глянул на часы, взял щипцами с тарелки стейк с кровью, зажал его в зубах, хлопнул в ладоши и развел руками:

– Вот.

– Хм, не поспоришь. Ну, так что там с судьбой-то? – интересовались участники лекции. Лектор отложил мясо, не спеша налил себе огромный полный бокал вина (ибо «в интеллектуальном контексте»), закурил и продолжал:

– В случае каких-то драматических поворотов нам всегда легче списывать наши неудачи на судьбу, на случайность, на непреодолимые обстоятельства. Тогда как при ближайшем рассмотрении оказывается, что ситуация была полностью в наших руках, но это мы сами не проявили собственной воли и участия.

Петрович-сан затянулся сигаретой, отхлебнул вина и повел свой рассказ:

– Если брать историю Ромео и Джульетты в целом, то роковую роль в ней сыграли два обстоятельства, не отмеченные ранее никем. Первое обстоятельство не столь определено. Это фраза Меркуцио, который сказал в запале: «Чума, чума на оба ваши дома! Я из-за вас стал кормом для червей!» Некоторые утверждают, что слова имеют свойство материализоваться. Таким образом, именно Меркуцио стал виновником трагедии, послав конкретное проклятие обоим домам Монтекки и Капулетти, каковое проклятие конкретно исполнилось! Нельзя так распускать язык!

– Ничего себе! – ахнула толпа, – «сказал в запале»! Хорош «запал»! Перед смертью!

Тем не менее, тут сложно судить, кто инициировал трагедию. Люди с мистическими наклонностями могут считать это исполнившейся волей (просьбой, желанием) самого Меркуцио, без проклятья которого ничего бы не случилось. Но лично я в материализацию проклятий не верю. Но почему после столетий, прошедших с написания Шекспиром трагедии, до сих пор никто – ни читатели, ни зрители, ни критики не заметили, что трагедии могло не быть, и что шанс ей случиться – изначально был нулевой?

И сам Шекспир, и читатели – продолжал он горячо, – причиной трагедии считают судьбу, неотвратимость случая, фатализм. «Но им судьба подстраивает козни». Судьба! Судьба им что-то подстраивает! Но при чем здесь судьба, когда причиной всему стало разье... то есть нерадивость одного конкретного персонажа?

– Поясни! – заволновалась публика. Некоторые заерзали в своих креслах, пытаясь ощетиниться на оговорку Петрович-сана, но их сразу зашикали.

– Поясняю. Вы прекрасно знаете, что организатором желаемого примирения Монтеки и Капулетти был священник отец Лоренцо. В надежде на это он обвенчал влюбленных, но Ромео оказался замешан в драке – и за это изгнан прочь, в Мантую!

– Куда? – опешили слушатели в сомнении. – Куда изгнан?

– Куда, куда. В Мантую! В Ломбардию! – на этот раз Петрович-сану ничто не мешало изъясняться легально, но многим уже и «Ломбардия» в его устах вызывала настороженность. – Вы этот сюжет танцуете как родной, а исходного текста не знаете! – атаковал в ответ и он.

– Вы также знаете, что Джульетта не хотела замуж за Париса, – продолжал Петрович-сан, – и священник придумал авантюру с ее фиктивным отравлением. Гонец, посланный священником предупредить Ромео об этой инсценировке, не успел. Ромео прибыл к склепу Джульетты вопреки плану, и, думая, что она мертва, убился в мрачной тишине склепа. И только после того, как очнулась и самоубилась Джульетта, в склеп к шапочному разбору, трепеща фалдами, прибежал организатор этого ювелирно продуманного и блестяще исполненного мероприятия, отец Лоренцо.

– К шапочному разбору! – с сожалением ахнула толпа. – Трепеща фалдами! Умеет же лектор найти слова!

– Скажите мне, друзья, – обвел собрание горящим взором Петрович-сан, – о каком роке, фатализме или кознях судьбы можно говорить, когда кое у кого просто кривые руки? Организатор авантюры не выполнил ни одного пункта – разве что Джульетту сразу до конца не отравил. Что значит – гонец из-за эпидемии чумы не успел к Ромео? Это что за организация, что за гонец и что за чума, если Ромео узнал о смерти Джульетты от других людей раньше гонца и сам побежал в Верону? Гонец не успел, а некие доброхоты в Ломбардии – и узнать, и сообщить ему о смерти Джульетты – случившейся в отдаленной от них области – успели! Если ты, организатор, знаешь о возможных проблемах сообщения между городами ввиду чумы, то первым твоим опасением должно стать, что гонец может опоздать, а первой заботой – устранение варианта неведения Ромео в случае его появления. Отец Лоренцо даже не учел, что Ромео мог и без всякого гонца захотеть тайно прибыть к своей юной жене! Что это вообще такое – затеять фиктивную смерть Джульетты и понадеяться всего на один информационный канал? Тем не менее Джульетта оставлена одна, а отец Лоренцо – ушел в луга травы собирать! Он обязан был оставить для Ромео любые маркеры того, что Джульетта жива, нанять дежурных из доверенных людей (няня и челядь), создать тройной уровень защиты от любой случайности – но при всем этом в первую голову сам не должен был отходить от склепа ни на шаг! Он не мог не понимать цену малейшей накладки, нестыковки, но бросил Джульетту лежать одну – беспомощную, как овощ!

– Неромантично, Сан! – закричали ему.

– Простите, но я очень возмущен! А сколько Джульетта пролежала еще с мертвым Ромео, пока действие снотворного не кончилось, и она не очнулась? А наш стратег и тут не соизволил появиться, когда можно было остановить хотя бы Джульетту. Где его вообще носило, какие были дела важнее этого?

Действие снотворного ограничено, поэтому сон Джульетты нужно было обязательно контролировать, гнать от гроба Париса, чтоб подопечная не очнулась при нем – можно было нашему монаху напрячься хотя бы на это время? Таким образом, сегодня мы разрушаем один из стереотипов – в трагедии Ромео и Джульетты виновата не судьба, не фатум и не обстоятельства, а лишь отдельные индивиды, не проявившие собственной воли, безответственные, но берущиеся за то, что им не под силу! И это должно быть всем нам уроком – нельзя списывать любые наши проблемы на внешние обстоятельства, пока их решение в наших собственных руках, и мы сами можем на них повлиять.

– А я-то тут при чем? – с обидой говорил сразу по окончании лекции Петрович-сана артист Веня Рыбкин, обычно танцевавший партию Лоренцо, на которого сейчас без всякого умысла, но лишь чтоб сверить свои ощущения со словами Петрович-сана, стали поглядывать окружающие. Было понятно, что отныне Вене предстояло танцевать какого-то другого Лоренцо.

В соответствии с провозглашением дня всего необычного, ближе к его окончанию, стал проявлять свое рвение Магический Поцюк.

– Ешьте нетрадиционной! – суетливо советовал он налево и направо, успевший набраться алкоголя «в интеллектуальном контексте» и уже начавший извращаться от обилия пищи. – Пробуйте новые вкусы и ощущения! Шампиньоны заедайте бананами, а томатный сок смешивайте с пивом!

– Ну и что это будет?

– Томатное пи... – начал было Поцюк, но вдруг с ним стало что-то происходить. – Ешьте нетрадици... и-и-кг... – и он, к ужасу собравшихся, убежал за одну из палаток.

– Ты тут вот что! Ты тут физиологию не разводи! – стыдили его пару минут спустя. – Нашел место, где оригинальничать! Тут парадиз, понимаешь, тут всё должно быть одухотворено! Щас как влепим срок!

– «Влепим»? – элегантно поводил бровью Поцюк. – «Влепим», это тянет на жаргон!

– «Тянет»? – парировали цензоры. – Что значит, «тянет»? Смотри, Поцюк, по лезвию ножа ходишь!

– «По лезвию ножа», это банальный оборот, битая финжа, корка, – испуганно защищался Поцюк.

– «Финжа»? «Корка»? – подступали к нему особисты. – Тебе тут что, сапожная мастерская? Или портовый док? Ты что это себе позволяешь, а?

4.

Ощущение уходящего времени и окончания праздника стало всеобщим. Поднявшись в пирамиду, наблюдатели с тревогой всматривались в ту сторону света, откуда уже доносился настойчивый размеренный гул – техника рассчитала снеговой завал, торопясь освободить не нуждающихся в этом пленников, и к любой радости был подмешана холодная сквозящая струя тревоги.

Времени действительно не существует – по крайней мере, в той размерности, в которой мы о нем думаем; скорость его истечения перестала совпадать с часовой стрелкой. Скорость его истечения измерялась по предположительной быстроте вгрызания ножей и ковшей экскаваторов в лавинный завал; снежная препона сама стала убывающим временем – как в песочных ча-

сах, где из одной колбы в другую убывает не время, но – песок. А вот вам и релятивизм, дорогие жители «Парадиза», вот вам и скорость убывания времени, опережающая скорость убирания снега – там, снаружи, шли минуты, здесь же, вместе со снегом, убывали из жизни целые дни и годы воображаемых возможностей.

Десант в компьютерный зал во главе с Олей принес неутешительную новость. Информационные источники и ответственные лица Франции чем дальше, тем более проявляли неопределенность в оглашении сроков эвакуации (стали доминировать политические и финансовые мотивы), но по расчетам Петрович-сана, ледяного плена (солнечного и ледяного плена) оставалось не более, чем на двое – максимум трое – суток. Неофициальные источники месье Клебера подтверждали то же.

Два – максимум три – дня! И прощай, рай на земле. Ни о чем другом теперь не мечтали наши путешественники. Весь мир сузился до рая в Родезе. Рай был в их руках, реальный, осязаемый. И такой рай от них – уплывал?

С утра, собрав народ в Каминном зале, Решетников сказал речь.

– Признаться, я был в некотором раздумье, под знаком чего мы могли бы провести сегодняшний день, – начал он не спеша, размеренно. – Время уходит, дорогие мои, несравненные. Трактора уже грызут стену, и скоро все мы станем свободными. То есть освободимся для новых капризов начальства. Мы станем независимыми, то есть от нас опять ничего не будет зависеть!

– М-м! – замычала толпа. – Не трави душу. Что делать?

– Удача, что выпала нам, – невозмутимо продолжал Решетников, – является величиной «штучной», и вероятность ее повторения исчисляется нулём. И вот теперь все это кончается, а время перед окончанием летит стремительно. Обычное дело!

– Летит! – взвыли все. – Кончается! Что мы можем? Надо охватить всё, пока мы еще тут! А оно... кончается!

– Все мы чувствуем одно – мало! – опять подхватил Решетников, видимо, решив довести народ до белого каления. – Конечно, недогуляли, недопели, недожали, недобрали своего, не всё охватили, что могли! А дадено было много!

– И – что? Что? Не тяни резину, Саша! – взмолился народ в последней степени отчаянья.

– А вот что! – воскликнул Решетников. – Вот что. Логичным было бы устроить нечто вроде прощания с «Парадизом», попытаться догулять, добрать свое, потратить последние крохи отпущенной нам свободы, оторваться на полную катушку. Иными словами, устроить день песен и плясок, гуляний и прощального пьянства, день наивысшего отрыва и оттяжки!

– Ну? – едва не стонали все.

– Но наш рай на земле, как мы договорились, образование жесткое и со своими правилами, – твердо сказал Решетников. – То есть я хочу сказать, дорогие мои, что гуляний – не будет.

– Что? Как? – изумилась толпа. – Как это, не будет? А-а... А что будет? Будет-то – что?

– Избыток удовольствий, как уже было тут сказано, сгубил древних греков, – продолжал Решетников. – Эллада стала Римом, варварским стойлом,

кабаком и публичным домом. Таково свойство любого избытка. Но только ограничение, друзья мои, только насилие над собой, над своим телом и духом, дает нам понимание настоящей сути вещей. Светлым воспоминаем всегда остаются лишь те ожидания, что не были реализованы. Труднее всего забыть женщину, с которой у тебя многое намечалось, но ничего не было!

Аня и на этот пассаж не отреагировала, А Оля саркастически усмехнулась.

– Ты обещал, что не будет никаких полных запретов! – зашумела толпа, чувствуя, куда клонит их вождь.

– Ладно, народ, не буду вас томить, – перестал дразнить общество Решетников. – Сегодняшний день будет Днем ожидания всех земных радостей и удовольствий. Это не запрет как таковой, а всего лишь пауза на один день.

– Объясни!

– Мы с детства помним ощущение, когда ждали праздника и готовились к нему. Новый год, поход на елку, ожидание дня рождения и подарков. В пору детства радость ожидания была не меньше радости от самого праздника. Но со временем мы потеряли способность переживать праздник столь же ярко, но ожидание все еще остается глубоким переживанием. Да, ожидание уже не равно воплощению. Почему так? В ожидание все еще много обещания и надежд, и чрезмерная широта мечты не позволяет равноценно воплотиться ей в реальности. Ожидание остается прекрасным чувством, но праздник оборачивается хотя бы частичным, но разочарованием.

Тем не менее, друзья, праздник без берегов, без самоограничения, без пауз – это зря потраченное время! В отличие от многих соотечественников, нам выпала возможность кататься по миру и наслаждаться его дивностями. Между тем среди нас есть ряд товарищей, которые никогда не были, скажем, в Колизее, в Версальском дворце и не видели своими глазами Стоунхендж, поскольку всякий раз, прибывая на автобусе к памятнику, не могли продрать глаз от последствий предыдущих удовольствий. Они объездили весь мир, но не видели его, ибо большую часть времени провели в состоянии анабиоза. Но только отказ от всех искушений и удовольствий открывает нам глаза и обостряет наше восприятие. Опять же, не мне вам рассказывать, как приятна, скажем, встреча с девушкой после небольшой разлуки, как приятны дорогие тебе вещи, которых тебя ненадолго лишили, и даже – как приятен любой кусочек еды после вынужденного суточного голода. Если мы устроим безудержное прощание с «Парадизом», то ни этого прощания, ни самого «Парадиза» завтра, по сути, для нас как бы и не будет – как не существует Колизея и Стоунхенджа для тех, кто там был, так сказать, телом, но даже не смог выйти из автобуса. Когда мы хотим получить всё сразу, то не получаем даже малого, ибо становимся бесчувственны.

Итак, хочу вас обнадежить. Для того, чтобы обострить наши чувства, то есть удовольствие для одних и радость для других, я объявляю сегодняшний день – Днем ожидания завтрашнего праздника, то есть днем отказа от всех мыслимых и немыслимых плотских удовольствий, от всех физических наслаждений и праздников туловища. Почувствуйте себя бесплотными, но жаждущими завтрашнего праздника!

– Какой еще такой отказ? – закричали многие из присутствующих. – Мы не хотим никакого отказа!

– Программа меняется следующим образом, – невозмутимо продолжал Решетников. – Те, кто не участвует в танцевальном классе, идут на беговые дорожки и тренажеры. Никаких массажей и саун для сбрасывания веса, никакого горячего душа для разогрева мышц, только – натуральные физические нагрузки; все пускаем в кровь адреналин! На банкете – только зелень! Отбой – ровно в полночь, и женщины спят сегодня отдельно, в соседнем крыле! Есть возражения?

– Судите меня, стреляйте, но я съем на банкете мясо! – закричал Магический Поцюк. – Это нарушение прав человека!

«Нарушение прав человека!» Тут безумная затея Решетникова, возможно, и попала бы под критику и возражения, и даже могла бы закончиться не начавшись, но в умах и сердцах окружающих слова Поцюка мгновенно породили эффект единения толпы против белых ворон. Поцюк не мог даже предположить, какую реакцию вызовет его высказывание. Мужская половина общества, дрогнувшая было в своем всегдашнем одобрении решетниковских идей, услышав слова Поцюка, решила выместить свое недовольство условиями Решетникова не на лидере, а, конечно, на Поцюке, то есть поступила заместительно, «по-своему».

– Мясо? – вскричала мужская половина, изумляясь так, будто Поцюк заявил, по меньшей мере, о желании заняться людоедством. – Тебе захотелось – мяса? Ну что же, попробуй! Только это мясо встанет у тебя в глотке, а уж нестиранных носков и спортивного белья завтра полно будет! Пока мы будем наслаждаться, ты будешь стирать нам носки, Поцюк!

– К черту отказы! – крикнула Шина. – Времени в обрез! Что значит – спать порознь? Как вы узнаете? Полицию нравов создавать будете?

Однако мужчины, уже получившие прививку против диссидентства, к ужасу Шины, вместо ожидаемой поддержки сразу же зачесали в затылках, стараясь найти приемлемое решение неожиданной проблемы.

– Часовой нужен! – вдруг счастливо осенило кого-то из них. – Евнух, так сказать!

– Магического Поцюка в евнухи! – крикнул кто-то. – У него уже от пьянства, наверняка, это... проблемы!

– Я – евнух? – взревел Магический Поцюк. – Да я женщин готов зубами рвать от страсти!

– Зубами! – заголосили девушки обреченно. – Кому нужны твои зубы?

– Хватит тягомотину разводить! – крикнул еще кто-то из мужчин. – Кто на тренажеры – подходи сюда! Землю крестьянам, воду матросам, тренажеры – настоящим мужчинам! Вперед!

– Хоть отдохнем сегодня от этих! – со смехом говорили еще.

– Да! Мужская дружба и братство превыше всего!

Общество задвигалось, привыкая к жизни в новых обстоятельствах. Оля с блокнотом уже спешила к Решетникову. «Узнай, узнай, – шептали ей возбужденно, – можно ли рыбу и устрицы, кальмаров, морские салаты? Пиво, или только минералку?»

– Ничего себе! Вот это приехали! – пораженно констатировал Магический Поцюк, нерасчетливо оставшийся почти в полном одиночестве и в оппозиции, не сулящей никаких выгод. – Вот это рай, вот это, мама родная, парадиз! «На банкете – только зелень!» И даже выпить нельзя! Короче, есть маза задринькать из унитаза!

– Что-о? – взревела толпа против одинокого «катализатора тоталитаризма». – Поганить родную речь? Нашу, родную, русскую речь? Мы никому этого не позволим! Прежние договорённости еще никто не отменял! Считай, что ты уже наказан, Поцюк! Носки нам будешь стирать до посинения!

И тут Поцюк, сам того не желая, повел сообщество на второй круг антидиссидентской «вакцинации».

– А-а... если не буду? – тихо восстал он.

Это привело народ уже в полную ярость.

– Полная обструкция! Бойкот! Руки не подадим!

– Да что мне ваши руки? – идя уже ва-банк, рассмеялся Поцюк. – Засуньте свои руки – сами знаете куда! Я кирял и буду кирять, ни у кого не спрашивая. Что вы мне сделаете?

Толпа, на секунду замешкавшись, вопросительно повернулась к Решетникову. В воздухе повисла грозная пауза.

– По своим политическим убеждениям я демократ, – невозмутимо напомнил Саша. – И считаю демократию высшей формой социальных отношений.

Окружающие переглянулись в недоумении.

– Однако если мы договорились о жесткой модели, – продолжал Решетников, то нужно соблюдать принятые правила. Правила есть правила.

Окружающие продолжали недоумевать.

– В яму его, – сказал Саша негромко.

– Саша, в какую яму? – оробела толпа.

– Заприте его в душе на весь оставшийся срок.

Магический Поцюк заскрипел зубами.

– Я выхожу из игры, – заявил он.

– Не выходишь, – возразил Решетников. – Ты нарушил правила, находясь в игре. Сначала отбудешь наказание.

– Но ведь до конца срока! – взвыл Поцюк.

– Точно.

Благодаря диссидентству Магического Поцюка и воле, по общему мнению проявленной Решетниковым, в квазитоталитарном обществе произошел окончательный поворот в сторону решетниковского плана. Как это бывает в любом тираническом социуме, пережившем попытку покушения на свой уклад, оно только еще теснее сплотилось. Старая история – если подавляющее большинство людей в некоем сообществе разделяет определенную идею, пусть и самую нелепую, то лишь потому, что каждый считает для себя правильным быть в большинстве с плохой идеей, чем в одиночестве с хорошей. Саша видел в толпе лица, откровенно недовольные подобной архаикой, но было уже поздно – принесся в свое время присягу на верность единству сообщества, эти люди теперь являлись подчиненным меньшинством и потенциальными отступниками от священного единства. Но удивила Решетникова и другая, весьма немалая часть людей, которые вдруг приободрились пуще

прежнего, будучи не просто готовыми подчиниться чужой воле и исполнять чужие приказы, но еще и конкурировать между собой за лучшее их исполнение. Еще не успели проводить под арест Магического Поцюка, а глаза некоторых уже нездорово блестели и бегали по сторонам в поисках новых отступников. Решетникова впервые поразило именно то, что для части его соратников отказ от необходимости принимать собственные решения стоит выше получения ими физических удовольствий.

Глава 4. Быть или не быть

1.

Ближе к вечеру в номер к Решетникову постучали. Он открыл дверь, на пороге стояла Аня. Она была в восточном шелковом халате, с аппликацией из змей и драконов – традиционном вечернем одеянии жительниц отеля. В лице ее читалось некоторое смущенье.

– Я пришла выпить с тобой чаю, – объявила она с порога.

– Какая неожиданность! – засмеялся Решетников.

– Да, настоящая, незапланированная неожиданность, – сказала Аня.

– Ты ставишь меня перед сложным выбором, – сказал Решетников. – Мораторий! Отказ от всех возможных и невозможных физических удовольствий, одним из коих, безусловно, является искустельное питье чая с прекрасной девушкой. Как ты думаешь, могу ли я нарушить то, что сам объявлял? Хм. С другой стороны, я однажды согласился отложить предложенное чаепитие на завтра, и вот что из этого вышло.

Он усадил Аню на одно из кресел у чайного столика, включил чайник.

– Я восхищаюсь твоей идеей – этой утопией с жесткими правилами, – улыбнулась Аня. – И особенно подачей. Можно сказать: «запрещено!», а можно – «изъять одну из граней реальности и посмотреть, как изменится реальность»! Разве это не одно и то же? Или – «согласие должно быть всеобщим». Это же все чистый тоталитаризм. Ты как будто запер несогласных одиночек в одном пространстве вместе с толпой. Они бы и хотели возразить, но не могут пойти против всех. Это и есть диктат и насилие.

– Да, да, чистый тоталитаризм! – иронично возразил Решетников. – Но, скажи мне, Аня, где идеология, на которой стоит это тоталитарное общество? «Хорошо провести время» – это обманка, которая ограничивает хотелки всех беззаконников. Где мои опричники, и где ограничения свободы высказывания? Запреты – это у нас приоритет всего общества, действуют для всех в равной степени, и на вещи, которые общество само видит как разрушительные. Мораль не отрицается, а ставится во главу угла, никакой «новой морали» нет, по-прежнему поощряются порядочность, трезвость и умеренность, а не Павлики Морозовы! Правосудие, планирование жизни, контроль за соблюдением норм осуществляет само общество. Посмотри, Аня, внимательней, что это за общество на самом деле! – рассмеялся Решетников.

– А как же Магический Поцюк?

– Издержки демократии, – согласился Саша.

– А что за детский сад с запретом жаргона? Понятно запрещение нецензурной лексики, но отказываться от вариаций и нюансов языка?

– Более того, Аня. Сам-то я считаю, что запретных слов вообще нет, есть слова, неуместно употребленные. Но ты права насчет детского сада. Рассуждая о недостатках нашей утопии, тоталитаризме, ошибках педагогики и прочем, нужно помнить, что мы имеем дело в большинстве своем с людьми, хоть и много видевшими, но никогда не знавшими свободы. Такие люди по сути – дети, и пока все их беды – от их инфантильности. Их надо учить, прости за назидательную стилистику, быть ответственными с малого – вот эту какую тянуть в рот нельзя, выразаться так – плохо, или – если ты дал слово, изволь его держать. Никто не называет насилием воспитание, когда мы заставляем ребенка мыть руки, делать уроки и вовремя ложиться спать. Ребенок, научившийся быть самостоятельным, за этот диктат родителям только благодарен. И принуждение может быть оправдано только одним – если человек научится быть самостоятельной личностью.

А что касается запертых в толпе одиночек, – добавил Саша после секундной паузы, – так процесс еще не окончен. Я их не обманывал, я их просто учил самому элементарному, уметь отвечать за себя самим. Я еще предложу им выбрать свободу.

– Все диктаторы говорили, что хотят дать свободу. Но никто не давал.

– Я не диктатор, и я дам.

– Не успеешь.

– Почему это?

– Я только что общалась с Олей Бойко, – запоздало поделилась Аня. – Месье Клебер сообщил ей, что завтра утром нас отсюда уже вывезут.

...Аня оставила свой чай нетронутым, извинилась, сославшись на то, что уже сообщила новость и, попрощавшись, вышла из Сашиного номера.

2.

Через некоторое время Решетников услышал какой-то шум с улицы. Он потянул в сторону прозрачную створку балконной двери, секция послушно отъехала. Внизу, как на площади из какого-нибудь итальянского фильма, шелестела толпа жителей «Парадиза». В свете вечерних ламп, окутанные паром от возбужденного дыхания, собравшиеся то выкрикивали что-то вразнобой, а то затягивали хором, с потугой пения на английском:

– Мама-а-а! Оу-у-у-у! Иф айм нот бэк эгейн дис тайм тумор-роу! – чьи-то голоса отставали, но мощный общий хор катился размеренно и неспешно, как морской прибой.

– Что? – грозно спросил Решетников, выйдя на балкон.

– Свободы! Свободы! – зашумела шутовски настроенная толпа, увидев своего тирана.

– Вижу, что гонец как профессия полностью несостоятельна, – крикнул Саша. – Информация распространяется по воздуху сама.

– Саша! – закричал кто-то из толпы. – В общем, это!.. Не хотели вам мешать с Аней, но, может, переговорим? Послушай! Есть ряд соображений!

– Никакой Ани здесь нет, – раздраженно сказал Решетников, удивляясь, что его слова о передаче информации по воздуху подтверждаются столь многопланово.

Через час, после консультаций с Олей и ее переговоров с месье Клебером, Саша, собрав народ в Каминном зале, говорил:

– Итак, в связи с новыми обстоятельствами, все прежние ограничения и запреты отменяются. Надеюсь, это наше общее решение?

– Ур-р-ра-а! – грянула толпа.

Решетников заметил, что Ани нет среди присутствующих. Толпа некоторое время шумела и хлопала открытыми вверх ладонями о ладони друг друга, затем часть людей сразу потянулась на выход с репликами типа «Вы сейчас куда?», «Может, к нам?» и пр. Прежнее общество на глазах распадалось. Напротив, другая, большая часть, приступила к Решетникову:

– А что нам теперь дальше делать?

Саша тяжело вздохнул их непонятливости, как будто и вправду имел дело с детьми.

– Еще раз. Объявленный День ожидания потерял смысл потому, что завтра нас уже ничего не ожидает, поэтому делайте, что хотите. Но если бы я объявлял свой последний приказ, и даже не приказ, а давал совет, то посоветовал бы сегодня всем и каждому – всмотреться в себя и не быть с толпой. Не идти на поводу и принимать решение самому – нужны ли ему те или иные пряники.

Ирония нынешнего поворота в том, что оставшееся вам для гульбы и игрищ свободное время уже ничем не отличается от обычного вашего свободного времени в других местах. И сравнимость его с обычным в том, для вас оно сейчас такое же несвободное, как на любых гастролях, ближних выездах или в Москве. Это уже не долгие дни вашей свободы в «Парадизе», а такой же жалкий кусок, урванный вами втайне от работы и сурового взгляда Толстоедова. Кроме того, здешние интерьер и пейзаж тоже не имеют значения – уже понятно, что все это не ваше, вам не принадлежит, так сказать, аренда кончилась, да и большая ли разница, в каком интерьере ползать на четвереньках? Сегодняшний пряник будет не вкуснее, чем любой завтрашний. Все сводится к тому, что везде вы – гости, у вас нет собственности и все «педагоги» вами только помыкают, как Карабас марионетками. Но только здесь и сейчас вы можете проявить свою волю. Либо вы запомните этот день как рядовой и один из упущенных (то есть совсем не запомните), либо запомните его навсегда как день настоящего уважения к себе, день, однажды пролетевший в вашей жизни по темному небу как бы яркой ракетой.

– А какие еще варианты, кроме оторваться напоследок? – едва не с жалобой возопило общество.

Решетников продолжал:

– Представьте себе, что все ваши пастухи, от простых педагогов до больших политиков, а также все ваши родственники, друзья, ваша подруга (или друг у девушки) – знают вас как облупленных, знают наперед все ваши способности и возможности. Долгое время философы спорили, существует ли у человека свободная воля, истинная свобода выбора. Скептики говорили, что нет, ибо все наши поступки заранее предопределены нашей средой, воспита-

нием, обстоятельствами. Когда нам холодно, мы будем кутаться, когда испытываем голод, будем искать еду – но это базовые желания, обязательные для сохранения жизни. Однако в повседневности многие вещи и привычки также управляют вашим поведением, программируют вас – вот, ту или иную фразу надо сказать, чтоб все одобрили, вот так нужно поступить, чтоб не наказали, вот этот свитер надеть, чтобы казаться модным. Ваши педагоги заранее знают, как вы поведете себя, если на вас наорать или припугнуть. Ваш любимый человек знает, как вами манипулировать, чтобы получить желаемое. Очевидно, что если вы увидите упавшую с неба халяву в виде обилия еды и алкоголя, то обязательно съедите и выпьете всё. Итак, мы рабы своих привычек и обстоятельств?

Нет, поскольку наша свобода все же не определена ничем, и свободный поступок существует хотя бы в потенциале. От вас ждут, что вы, как свинья, наброситесь на бесплатную еду, пойло и соблазнительную девушку, а вы можете плюнуть ожидающим в морду и поступить по-своему. И дело не в моральном аспекте даже, а в самой возможности поступить так, как хотите именно вы, а не как хочет ваш желудок или окружающие, знающие все ваши привычки. Только поступив вопреки всем стереотипным мнениям о вас, вы можете стать по-настоящему свободными.

Народ зачесал в затылках, постепенно переваривая сказанное. Решетников продолжал:

– Но тут есть еще аспект более глубокий. Надо понять, что воля и осознание свободы не просто выше всякой физиологии и плотских удовольствий, но она – штука принципиальная. Она не оглядывается на выгоду или произведенный эффект. Простыми словами говоря, счастье, свобода, воля – это когда ты делаешь что-то, даже если результат от тебя не зависит.

– Как это?

– У вас есть выбор. Поступить запрограммированно, так, как вам диктует весь ваш предыдущий опыт, либо даже не принять во внимание выгоду, отсутствие результата, любых пряников, но – сделать по-своему, вопреки всей предыдущей программе и дрессировке. Ценность имеет только сам выбор. Это тот случай, когда даже потери, неудачный результат, поражение – становятся вашей очевидной победой над собой и над обстоятельствами.

– Люди! Народ! – вдруг заревел, перекрывая шум толпы, Петрович-сан. – Вы видите, как история повторяется на нашем примере? Завтра вы будете плакаться, что вас ограничивают, не дают того или сего, при том, что сейчас можете поступить, как вам самим видится правильным и справедливым – покорно набить брюхо, напиться и уснуть, слюнявя подругу, либо – защитить свою свободу и территорию от нападения. В это сложно поверить, – вдруг встрепенулся всем телом Петрович-сан, – но я с самого утра, выполняя наш уговор о Дне ожидания, впервые за последний месяц трезв, и чувствую себя счастливым! До меня внезапно дошло, что тот прежний Петрович-сан – это был не совсем я. Не я, а моя карикатура! Однако никакая сила и никакие правила не заставили бы меня измениться, если б то не было моим собственным решением!

Поэтому давайте хоть раз в жизни бросим вызов – не судьбе, не ее мифическим «козням», а всему тому, что вас программирует и делает рабами! То-

му, на что мы можем прямо повлиять сами. Плюнем в морду и себе прежним, и всем нашим пастухам, и всему дрессированному и безвольному быдлу мира! – Петрович-сан даже побагровел от своего патетического напора.

– Игорь, пойдем, пойдем, – потянула его за рукав Света Деревягина, – ну чего ты разошелся?

– Уйди! – зарычал Петрович-сан. – Не время сейчас, родина в опасности!

Он обвел толпу пламенным взором и воскликнул:

– Так чего же вы встали? Или всё уже кончено, и от нас ничего не зависит? Нет, ничего еще не кончено. Саша Решетников объяснил вам простую вещь о победе, которая может стать выше поражения. И то, что скажу сейчас я, покажется вам бесполезным и, вероятно, даже глупым. Безусловно, глупым. Но я предлагаю сейчас всем взять лопаты, ломы, крышки от баков, да хоть отломать крышки от чемоданов. Давайте, сколько сил хватит, закидаем снегом завал с нашей стороны, место завтрашнего входа техники, забаррикадируемся насколько возможно.

– Да это идиотская затея! – взорвалась толпа. – Это ничего не изменит, это глупо.

– Слышали же, свобода – это когда мы поступаем по-своему, даже если результат от нас не зависит. Разумеется, любые наши усилия по увеличению завала не дадут желаемого. На весь тот снег, что мы нароем и накидаем за оставшиеся часы, у техники уйдут лишние пять-десять минут. Но зато потом никто не упрекнет нас, и каждый себя, что мы сидели сложа руки. Мы могли бы напоследок ползать по «Парадизу», тошнить по углам и с ужасом ждать неотвратимого появления надсмотрщика, но поступили по-своему. Да, забросать вход снегом – бесполезное занятие, и ситуацию не изменит. Но это символ, это демонстрация всем и себе самим, что мы свободны и сами влияем на обстоятельства.

– Это бред какой-то! – крикнул Магический Поцюк, уже амнистированный по случаю окончания райской жизни.

Петрович-сан никак не отреагировал, а Решетников обратился к Оле Бойко.

– Я так понимаю, что технически препятствий нет?

– Да, я говорила с месье Клебером, – отвечала Оля. – Идея ему – мало сказать что понравилась, но привела в восторг. Он готов установить направленные прожектора и дать оператора с камерой, если наш звукорежиссер ему поможет.

Саша с Олей говорили вот о чем. На переговорах с хозяином отеля Оля изложила ему возможный сценарий с баррикадой и идею снять об этом сюжет для французских новостных телеканалов. Этот сюжет подавался бы в конце новостей в разделе курьезов, но привлек бы внимание к отелю месье Клебера, сделав ему рекламу на всю Францию. Сама метафора сюжета точно ложилась в матрицу французского юмора и французской революционности – заключенным туристам настолько понравилось пребывание в некоем отеле, что они устроили бунт и отказались его покидать в виду прибывающих спасателей. Отдельным кадром можно было доснять одну из девушек с плакатом, грациозно встающую в позу, напоминающую «Свободу на баррикадах» Делакруа, но это были уже детали.

Общество находилось в явном смятении, не зная, что предпринять.

– Может, правда, а? – с робкой надеждой вглядывался в лица товарищей Веня Рыбкин, танцевавший прежде отца Лоренцо.

– Друзья! – вдруг заголосил Магический Поцюк. – Что вы мнетесь? Или мы забыли, что остался всего один вечер нашей свободы, а там, за стеной – прежняя тягомотина? Какие еще свободные воли, какие принципиальности? Время уходит, но погреба с винными запасами еще не иссякли! Оторвемся и погуляем! Будем плясать «голыми, в снегу, при свете полной луны»! Пусть исполнятся все наши желания! Это же – в последний раз!

– Поцюка в лидеры! – зашумела толпа. – Пусть он ведет нас, черт убогий! Если что – задушим! Нам сегодня нужна конкретика, а не красивые слова! Нам сегодня нужен именно он!

– Лжедмитрий! Временщик! Кожзаменитель! – пытался протестовать Петрович-сан. – Я сам наполню пустую «глубинную бомбу» твоим пеплом и выстрелю из пушки в сторону востока! Еще восточней!

Но возбужденная толпа уже не слушала его.

...В эту ночь в «Парадизе» творилось нечто невообразимое. На этаже хлопали двери, дребезжала музыка и слышались крики и смех. Пьяные мужские голоса были тонально низки и самодовольны, женские – притворно кокетливы. В холле, этажом ниже, кто-то наяривал на рояле и, судя по утробному грохоту инструмента, кто-то на этом же несчастном рояле еще и отплясывал. По коридору с поросычьим визгом бегали девушки в халатах, которых пьяные юноши пытались догонять, расставив руки, но периодически падали или сталкивались с другими.

Из динамиков, по всей внутренней радиосвязи «Парадиза», в тщетном стремлении остановить творящуюся оргию, раздавался настойчивый и монотонный от усталости голос Петрович-сана, засевшего в радиоцентре:

– Все дееспособные мужчины! Призываю вас – берите в руки лопаты, лопы и любой другой инструмент. Прекратите пьянство и разброд! Еще раз призываю вас...

Магический Поцюк – красный, опухший, похожий на доисторическую японскую статуэтку «догу» и в окружении десятка пьяных личностей, возбужденно размахивающий ополовиненной бутылкой виски, кричал на это:

– Штурмом брать радиорубку! Вязать Петрович-сана! Мы силой напоим этого схимника! – впрочем, в ответ на этот призыв товарищи волокли самого Магического Поцюка в бассейн и уже в третий раз сбрасывали в воду. Шутка с купанием Поцюка с первого раза понравилась толпе и поэтому периодически повторялась, поскольку в соответствующем состоянии от повторения казалась всё смешнее. Решетников шел по коридору, тупо глядя перед собой и, казалось, не желая замечать происходящего вокруг.

– Саша, всё! – окликали Решетникова пьяные голоса. – Всё! Не напрягайся, а лучше пойдем с нами! Неслыханное единение! Как прекрасно всё, что напоследок! Это как последняя пластинка «Битлз» – всё так ярко в ожидании конца, слезы наворачиваются на глаза, все чувства приподняты на градус!

– Это не последняя пластинка «Битлз», – угрюмо отвечал Решетников, – это последний день в ставке Гитлера. Завтра части Красной армии во главе с

командармом Толстоедовым разгромят вашу пьяную студию грамзаписи! А вы будете помирать с бодуна и даже ничего не вспомните.

– Брось эти заморочки, Саша! За минуту уходящей свободы – можно все отдать! Гуляем! Свобода! Счастье! Плакать хочется!

– Ничего, – отвечал Решетников рассеянно, но при этом как бы утешая собеседника. – Это не страшно. Это завтра пройдет. Было, как и не было.

Он прошагал до конца коридора и толкнул тяжелую металлическую дверь с надписью «Fire exit». Здесь он отыскал себе укромное место – на лестничном пролете между этажами, с винтовыми маршами и металлическими ступеньками с ребристыми выступами, с неяркими, почти тусклыми плафонами-светильниками – место как бы намеренно приглушенное, стертое, техническая зона в стороне от гостиничного комфорта.

Тут его и нашла Аня. Скользя, как тень, она тихо присела рядом с Решетниковым на ступеньку и, вздохнув, положила голову ему на плечо.

Минуту они просидели, не произнеся ни звука.

– Что грустишь, расчетливая моя? – устало спросил Решетников, нарушая молчание. – Мы в земном раю все-таки.

Аня улыбнулась согласно. Решетников не спеша отстегнул от своего свитера значок, используемый лишь персоналом отеля и кем-то из них ему подаренный – логотип, маленький зеркальный ромб с золотой надписью. Он протянул его Ане.

– Возьми, на память. Мало ли где будем завтра? Видишь, надпись «Paradise»? Вот, здесь? Парадиз, – улыбнулся он, – парадиз... Рай, значит.

3.

Зима в Москве была расхлябанной. Случилась оттепель – несколько дней подряд шел мокрый снег с дождем, прежний снег растаял и тротуары превратились в жидкое месиво.

В один из дней середины декабря 1999 года Аня пробиралась к метро «Кузьминки» сквозь строй лоточников, торгующих чем попало с грязных деревянных ящиков и просто с рук. Местный районный пейзаж был обыкновенно неприглядным и осточертелым в своей неизменности – в зарождающихся сумерках половина фонарей пребывала явно в нерабочем состоянии, ветки деревьев были мокры и голы, бегали какие-то собаки, лоточники кричали, зазывая прохожих, а прохожие молча и угрюмо месили ногами снежную размазю.

Все движения людей здесь были как бы не осмысленным действием, связанным с получением результата, а каким-то всеобщим издевательским препятствием друг другу, с включением сюда еще и собак, и предметов – прохожим мешали лоточники и мокрый снег, лоточникам мешали соседи и их ящики, собакам мешали лоточники, прогоняющие их; в этом бесцветном бруновском движении, в этой безмозглой толкотне каждому мешало всё, что было рядом, что только попадало в поле зрения: люди, снег, ящики, мусор, собаки, фонари, деревья, дождь, темнота – и ни в одной паре предметов не было согласия.

Ане всё еще странным было не идти по тротуару к метро, а пробираться по грязной жиже, выискивая относительно сухие островки и двигаясь зигза-

гами. Это было очень необычно – не просто выйти из дома и куда-то ехать, а для начала еще попробовать подойти к станции метро.

– Как это люди замшевую обувь в такую грязь носят? – лениво спросила в пространство одна из лоточниц, имея в виду Аню. Ане же приходило в голову только нечто несуразное, не имеющее здесь решения: «Как это люди такую грязь терпят?»

– Сколько, говорите, это стоит? – вглядываясь в лейбл товара, допытывалась некая особа у торговца замученного вида. – Двести тридцать? Да это же не французское! Настоящее французское шессот тыщ должно стоить! Никак не может быть французским!

– Значит, не французское, – равнодушно соглашался продавец, уже отупевший за целый день торговли.

– Нет, ну вы мне скажите, – не отставала от него покупательница, – ведь это подделка? Хм, двести тридцать тыщ! Конечно, подделка. Внешне такое же, а внутри, наверное, дрянь.

– Значит, подделка, – тихо вздыхал торговец, не имеющий в этой жизни уже никаких желаний кроме как лечь и умереть.

– Это же шессот должно стоить, если настоящее! – наконец, воскликнула женщина с обидой, разворачиваясь и уходя.

– Хм, шестьсот, – задумчиво, сам себе, сказал продавец. – Да я бы и за двести отдал!

Аня поймала на себе взгляд какого-то торговца, мужичка неопределенного возраста, который прислушивался к крику вороны с дерева.

– Во! Ворона кричит! – весомо сказал он Ане. – Всегда тут кричит, как я торгую. Как специально!

– Хорошо, что не кукушка, – сказала Аня. Она не хотела это говорить, но представила, что мог бы сказать в этом случае Решетников, и произнесла вслух. Но, смущенная тем, что изъясняется обиняками, тут же пояснила мужичку: – Она всегда каркает, с вами или без вас. По какому-то собственному поводу. Это ж вороны.

Нелепые мысли сейчас посещали ее голову. В какие-то мгновения Ане казалось, что между ее пребыванием в «Парадизе» и нынешним развалом существует прямая причинно-следственная связь. Ане по пути предлагали купить хлеб, кефир и воблу, но она была почему-то твердо уверена, что не доведись кому-то из всей этой общности, называемой людьми, совершить прежде какую-то крупную ошибку, сделать неправильный выбор, пустивший события в неправильном направлении, они могли бы уж кефир-то и булки всегда получать задаром.

Более того. У некоторой части людей была даже повторная попытка изменить весь нынешний ход вещей. И был у них рай, и Решетников еще раз попробовал убедить всех жить по другим, правильным законам – и опять попытка сорвалась, люди возомнили себя лучшими, чем они есть, и опять согрешили, и за это выкинуты вон из рая на эту голую неухоженную землю. И у нее, у Ани, тоже был этот рай, но произошло то же, что и со всеми – их с Сашей подвели к воротам и бесцеремонно вытурили прочь.

Доставая у кассы метро кошелек из сумочки, Аня случайно нащупала маленький предмет с острыми краями, холодный на ощупь. Это был значок, по-

даренный ей Решетниковым. Она достала его, провела пальцем по рельефной золотой надписи, подышала на зеркальную поверхность. Она подумала, что вот, собственно, и всё, что у нее оставалось из «материальных» подтверждений того, что эта история ей не приснилась. Вздумай она рассказать эту историю кому-то стороннему, без свидетелей, то ничем бы другим, кроме слов и эмоций, не смогла бы подтвердить правдивость своего рассказа.

Решетников ждал ее на платформе метро. Аня чмокнула его в щеку.

– Ну что, куда сейчас? – спросила она.

– Аня, что так долго? Сейчас в центр, в «Охотный ряд», там Игорь со Светкой ждут.

– А что Оле подарим, уже решили?

– Ну, там, на месте и решим. Кстати, минут за пять, как ты должна была появиться, вижу – из вагона со стороны Рязанки выходит Никишин. Он торопился в центр, решил выйти наверх и взять тачку, предлагал нас прихватить, но... В тот момент наша пара была в некомплекте!

– Как всегда, – рассмеялась Аня. – Традиция. У нас с тобой, как заколдованных, все подарки судьбы появляются в последний момент. Сначала все осложняется тем, что времени нет, потом тем, что время появилось и можно побороться за внимание друг друга – но тут же кислород опять мгновенно перекрывают! А теперь, когда есть и время, и возможности, мы с тобой – в некомплекте! Меньше всего можно было ждать удара судьбы с этой стороны. О, горе мне! «Им судьба подстраивает козни».

– Это легко преодолевается самими людьми, – смеялся Решетников.

Они добрались на метро до центра, спустились в подземный город, торговый центр под Манежной площадью. Его огромный атриум, проходящий через три подземных уровня, обрамленный по кругу торговыми галереями, был увенчан стеклянным куполом, чем-то отдаленно напоминающим купол «Парадиза». Несмотря на широту и размах конструкций, вычурную пластиковую отделку, имитирующую эпоху классицизма и заливающий всё неоновый свет, ощущение ограниченности подземного пространства все же не покидало наших героев.

Однако после убогого пейзажа возле метро «Кузьминки», в метафизическом смысле бывшего расплатой за прежние грехи всего общества, вид современного неоновой атриума порождал оптимизм и начавшие воплощаться в реальность перемены. Толпы граждан новой свободной России фланировали из конца в конец торгового центра. В воздухе, как будто материализовавшись, носились их новые настроения и помыслы. Чувство бесконечных кризисов, неудавшихся реформ, утомительных дефицитов и унижительной нищеты – как будто навсегда теперь уходило в прошлое. Новые возможности открывали двери в новую жизнь. Шокирующая широта свободы, отсутствие цензуры, независимые средства информации, новые международные связи, компьютеры, телефоны, телевизионные шоу и развлечения, западные рок-звезды, рвущиеся с концертами в Россию, поездки в Турцию – все это просто кричало, вопияло о том, что вчерашнее ушло, никаких ограничений, цензур и произвола больше не будет. Наконец-то, забыв все тяготы, можно было с головой броситься в эту новую жизнь, в эту свободу, свалившуюся с неба на го-

лову. Забыть прошлое, как страшный сон, отдыхать, развлекаться, получать предлагаемые новые пряники.

– Мы теперь сила! – как бы говорило коллективное собрание атриума, этого яркого подземелья. – Мы теперь свободны, и будущее наше прекрасно. Да, мы не боролись за свободу, получили ее даром, «на халяву», но, к счастью, она победила, и умирать за нее теперь не обязательно. Отныне всё в нашей воле – поехать в Турцию или на Кипр, поддерживать ту партию или другую, принять или отвергнуть предлагаемых нам правителей. Теперь нам хоть черта подсунь – мы сами решим, кто нам люб, а кто нет. Мы вольны сделать что угодно, а вольны и не делать ничего – таково свойство свободы! Мы можем возмутиться, наблюдая несправедливость, но захотим – и будем молчать. Можем отказаться от любых искушений, а можем и принять их. К счастью, пути назад нет, и мы свободны от любых обязательств. А жизнь коротка, надо успеть насладиться всеми упавшими нам в руки подарками – бесплатным сыром свободы, пряниками новых технологий и развлечений. Поэтому – стоит ли сопротивляться искушениям?

1997–1999 гг.